

АРИНА

ХОЛИНА

Роскошным Стервам
Большого Города

ДЬЯВОЛ
за правым плечом

Арина Холина

Дьявол за правым плечом

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176750
Дьявол за правым плечом: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18931-9*

Аннотация

Для одних предел мечтаний – сумка от «Луи Вюиттон». Для других – загородный дом, пять детей и золотистый лабрадор. Для третьих – пост генерального директора и золотая кредитка. Но Маша не знает, чего хочет от этой жизни – она уверена лишь в том, что не готова быть как все: вставать в семь утра, возвращаться домой вечером, ужин, новости, сериал, «Дорогой, у меня болит голова!» и вылазки на природу по воскресеньям. Тяжело быть обычной, особенно, если начальница – твоя ровесница – ездит на «Порше». Но вдруг в жизни Маши происходят из ряда вон выходящие события. Новая работа – лучшая в мире, новые подруги – зажигательные тусовщицы, новый мужчина – симпатичный, интересный, богатый! Кто бы мог догадаться, что все это лишь интриги Добра и Зла! Чью сторону принять? Выбор за ней!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	70
Глава 6	86
Глава 7	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Арина Холина

Дьявол за правым плечом

Глава 1

О чем говорят культурные девушки с высшим образованием и положением в обществе, когда собираются вместе?

О половых извращениях, автомобилях, о первом мужчине, о налогах – и как от них избавиться, об анальном сексе – против большинством голосов, о Ксении Собчак – как самые настоящие злобные стервы, о политике США по отношению к странам так называемого третьего мира, о том, у кого какие проблемы в постели с текущим мужем, бойфрендом или парнем на одну ночь, и надо ли менять свою фамилию на фамилию мужчины, с которым вы, возможно, собираетесь пожениться.

– Менять фамилию – это хуже анального секса! – уверяла всех Варя, размахивая полной, до краев, рюмкой текилы. – Я вообразить не могу, что вот жила всю жизнь Смирновой, а потом буду Воробьевой! А потом Сорокиной, Галкиной и какой-нибудь Файнзильберг! И что?

– Что? – спросила Дина, сползая с дивана на пол.

– А почему бы мне тогда еще и имя не поменять? – возмущалась Варя. – На такое, какое мужу больше нравится?

– Слушайте, я так ничего и не поняла – почему они расстались? – обратилась Марина к Дуне.

– Потому что у нее было три высших образования, четыре диплома с мидовских курсов – французский, немецкий, английский, испанский и зарплата в семь тысяч долларов, и все это в двадцать пять лет! – с кухни крикнула Дуня, которая полчаса назад завладела вниманием аудитории, рассказав, что ее брат – красавчик, по которому умирали все подруги, разошелся с девушкой, с которой встречался шесть лет.

– А она ходила в туалет? Она, вообще, человек? – отозвалась Маша.

– Не уверена! – Дуня показала с бокалом мартини, куда только что добавила водки. – У нее на это просто времени не было. Вот он и не выдержал такого давления.

– Подожди, а дети? – очнулась Дина и толкнула Варю. – Им-то что делать с фамилией?

– А что дети? Дети у меня Ивановы, а я потом стану Петровой, и опять все через жопу! – фыркнула Варя.

– Давайте пригласим водопроводчика! – очнулась Оля, которая уже полчаса тихо валялась на диване.

Все замолчали.

– Зачем? – спросила наконец Дуня.

– Водопроводчики работают круглосуточно, а мне так нужно мужское внимание! – с тоской воскликнула Оля. – Ко мне недавно такой хорошенький водопроводчик заходил –

просто дуся! Молоденький, чистенький...

– А давайте позвоним и узнаем, симпатичные у них здесь водопроводчики или нет! – поддержала ее Варя.

– У нас жутко несимпатичные, старые и пьяные сантехники! – отрезала Дуня, входя в комнату. – И вообще!.. – Она закинула телефон куда-то на книжные полки и рухнула на кровать. – Ко мне позавчера приходили такие электрики – просто лапочки, я совсем обалдела!..

– Слушай, а ты вообще могла бы выйти замуж за сантехника? – набросилась Маша на Олю.

– С какой стати? – вскинулась та. – Я что, в университете училась, два года корячилась с десяти до десяти на зарплате младшего менеджера и сейчас руковожу двадцатью сотрудниками для того, чтобы выйти замуж за водопроводчика? Я для того Бердяева с Монтенем читала?

– Ну и не ...зди! – расхохоталась Маша. – Дружи с ботаниками!

– Да я уже полгода ни с кем не дружу – даже платонически! – Оля всплеснула руками. – В этом и проблема! Я даже купила порнушку – просто чтобы не забыть, как это делается!

– Бедный мой мальчик, я его увижу только через месяц! – взывала Марина. – Бедный мой «мерседесик», стоит сейчас в противном сервисе... Ну как я без него?

– Что за порнушка? – заинтересовалась Дуня. – Немецкая? Американская и немецкая – самые лучшие, французы

порно вообще не умеют снимать, а русские все в какую-то классику лезут, тоже мне, интеллектуалы питерские...

До шести утра они никак не могли разойтись – и вроде уже все засобирались, и принялись обзванивать службы вызова такси, но при одной лишь мысли, что девичник скоро закончится, находились новые, все более увлекательные темы для разговора. И когда Маша наконец вышла на улицу, где моргнула фарами желтая «Волга», ей было так хорошо, словно она отдохнула в швейцарском санатории. И ни капельки не хотелось думать о том, что послезавтра на работу, что где-то там существуют проблемы, клиенты, начальство, корпоративный дресс-код и прочая ерунда, от которой в конце дня голова наливалась тяжестью и ломило спину.

Маша села на заднее сиденье, открыла окно, закурила и уставилась на серое, пасмурное утро, которое вполне могло обернуться солнечным, теплым апрельским днем.

Улицы оживали – неслись машины, дворники шуршали метлами, грохотала стройка, и в этом рождении нового дня отчего-то было столько предчувствий, что сейчас жизнь уже не казалась рутиной, клеткой, из которой есть только один путь – в страшное неизвестное.

Иногда на Машу наваливалась депрессия, и будущее выглядело черным и жутким – как дно высохшего океана. И жить не хотелось. Потому что годы идут, задница делается все шире, зарплата тратится все быстрее – кремы для лица с возрастом становятся все дороже, экология портится не по

дням, а по часам, на Солнце появляются пятна, на лице – тоже, а смысла во всем этом как не было, так и нет. И тогда Маше казалось, что она никогда не купит двухэтажную квартиру с двумя спальнями в дивном, красного кирпича шестиэтажном доме с уютным двориком (розы, кустарник, клумбы с фиалками и дивные пионы); что никогда у нее не будет упоительного романа «умерли в один день» со стройным, поджарым блондином, который зарабатывает кучу денег, но при этом выглядит, как Билли Айдол в лучшие годы; и никогда она, в шикарном платье от «Элли Сааб», не произнесет проникновенную, но остроумную речь на вручении Оскара.

Но если Маша сравнивала себя с соседкой этажом выше, то казалась себе деловой продвинутой женщиной на гребне успеха. Соседка работала риелтором, жила в однокомнатной квартире у матери (которая временно переехала к бойфренду, но всегда могла вернуться – любовник как-то очень не вовремя уходил в запой), одевалась на рынке в Черкизово, и ее парень уже четвертый год не мог выдать из себя в качестве комплимента ничего, кроме как «у тебя классная жопа». Парень приходил, требовал свежей домашней еды, ругал «Дом-2», «Мою прекрасную няню» и Тину Канделаки, смотрел 7ТВ – все программы про рыбалку, иногда занимался с соседкой сексом, курил в ванной и через всю кухню нес ложку с сахаром к чашке с чаем.

Но когда Маша встречалась со школьной подругой Никой, которая работала финансовым консультантом – приходит к

ней, допустим, Абрамович и, пуская скупую мужскую слезу, сообщает, что из годовой прибыли куда-то делись пятьдесят миллионов долларов, а она, Ника, рисует всю схему и выискивает места, откуда утечка, – и зарабатывает Ника по шестьсот тысяч долларов в год, и проблемы у нее – покупать «Форд Мустанг» 1967 года или «ну его на фиг», потому что у «Бентли» есть фирменный сервис...

Или когда она встречалась с институтской подругой Аей, у которой и в то время был нереально богатый папа, а теперь – несколько жутко модных и действительно очень хороших магазинов одежды, где Маша даже с супердружественной и одновременно сезонной скидкой не могла купить хотя бы трусики...

То есть Маша хорошо зарабатывала. И у нее была своя квартира. Причем не где-нибудь в Коньково или в Тушино, а на Патриарших прудах. То есть не совсем на прудах – формально в переулке между Пушкинской площадью и Малой Бронной, но до прудов – две минуты ползком, а до Кремля – пятнадцать прогулочным шагом. Но ее «хорошо зарабатывала» разбегалось на рестораны, недорогие тряпки и дорогую обувь, на спа-салоны и прочую «красивую жизнь», без которой Маша жить отказывалась категорически.

Маша иногда пугалась своей безалаберности и расточительности: а как же старость? а как же дача на берегу реки? – но когда она ехала в такси и говорила: «Давайте по бульварам», и водитель смотрел на нее в зеркало заднего вида с та-

ким неподдельным ужасом и ломился через Третье кольцо... И, разумеется, зависал в Лефортовском туннеле, где необыкновенно приятно стоять в пробке, а уж особенно в жару – и ехать полтора часа эти три километра, вдыхая раскаленный воздух, насыщенный выхлопами, особенно от солярки... Но водитель упорствовал – лишь бы не видеть этот страшный центр, в котором в час пик на бульварах «Ягуары» бодаются с «Хаммерами», которыми зачастую управляют девушки, что само по себе невыносимо, – и она понимала, что очень не хочет, как и этот водитель, прожить жизнь с закрытыми глазами в добровольной слепоте – ничего не вижу, ничего не слышу...

Так просто, думала Маша, жить где-нибудь в Бутове, где совсем не Москва, которое не сравнишь ни со старым подмосковным городком Тушино, ни с тихим, уютным Свибловом – жить в этом Бутове, которое возникло из ничего, из пустырей, и смотреть на красивую жизнь в сериале «Кто в доме хозяин» и считать, что вот именно так живут на Рублевке, а для самых умных – «Рублевке-лайф», и никогда в этот центр ни за что, потому что там – город греха, шубы из вязаной норки, сапоги за тысячу долларов и люди пьют кофе за двести рублей...

Там все твои мечты становятся правдой, и тогда все твои ценности вроде игровых автоматов «по маленькой», и гараж с любимой оранжевой «копейкой», и вечная конкуренция с Никифоровыми, которые своими руками собрали шкаф-ку-

пе, – все они разлетаются, как брызги стекла, и ты понимаешь, кто эти красивые, холеные люди в дорогой одежде, что у них в жизни есть главное – импровизация, у них в жизни – джаз, фанк и р’н’б, и они могу плакать, читая Лорку, пока ты ворчишь: «Ну, охренели совсем», глядя на дуэт Моисеева с Гурченко.

Иногда Маше казалось, что если есть такой ад, каким мы его представляем – преступление-наказание, то для нее, грешной, уже сейчас можно просчитать искупление грехов: жить она будет в каких-нибудь адских Химках, станет домохозяйкой с десятью детьми, а муж ее будет таким вот таксистом, который с утра до ночи ругает правительство – то есть Сатану, ходит по дому в ситцевых трусах, на завтрак ест борщ с куском жирной свинины, не бреет подмышки и пользуется таким одеколоном, который на расстоянии десяти метров уничтожает все живое.

Но дело было не в дешевом одеколоне и не в борще на завтрак. Маша от всей души ненавидела грубость, душевную скудость и животное существование – поесть, поспать, ухватить жену за ляжку... Маша ненавидела людей без поэзии в сердце, без понимания прекрасного, без деликатности – а особенно тех, кто считает ее город Адской Кухней.

За Москву Маша могла порвать. Любого, кто скажет, что это плохой город. Любого, кто не понимает, что Калининский проспект – это инцест. Любого, кто считает, что в Москве слишком шумно, слишком дорого или слишком

неинтеллигентно. Любого, кто не ощущает атмосферу этого гениального, уникального – во всем мире три таких: Нью-Йорк, Лондон и Москва – города, в котором есть место каждому – и бизнесмену, и поэту, и политику, и преступнику... Этот город живет полной жизнью, он не закрывает глаза лапками – «ой, боюсь, боюсь!», он жаждет приключений, он требует ощущений, он знает, что может дать все. Этот город любит гениев – во всех проявлениях, он любит самоуверенных, упорных, нахрапистых, нахальных, в этом городе вечный фэйс-контроль, здесь встречают по одежке, по уму, по машине, по квартире, но только здесь ты чувствуешь себя в вечном прыжке с парашютом – и страх перемешивается с восторгом, и пульс – двести на двести, и адреналин зашкаливает, но если ты давно тут живешь, то понимаешь – только здесь тебе хорошо, как на груди у матери.

– Налево вон там поверните! – встрепелась Маша.

Она высадилась на улице, обогнула дом, прошла в арку и очутилась во дворе – в типичном московском дворе с затоптанным газоном, вялой клумбой, кривоватыми качелями и миллион раз крашеными-перекрашенными лавочками. В доме не было лифта – на последний, шестой, этаж пришлось волочиться пешком, но Машу это не смущало – какой-никакой, а спорт. В квартире-студии (с самого начала здесь были кухня и комната, но Маша убрала стену, и теперь у нее стало четыре окна) было светло, тепло и уютно. Под собственно кухню Маша отвела небольшой закуток – стена с холодиль-

ником, раковиной и плитой, поставила высокий узкий стол, а все остальное пространство занимала гостиная-спальня-кабинет. Маша еще успела купить красный кожаный диван – на этом деньги закончились, так что спала она до сих пор на матрасе, что ей очень нравилось, так как вокруг него удобно собирать чашки, тарелки, книжки, диски – до всего рукой подать, и не надо свешиваться с кровати, чтобы дотянуться до томика Апдайка, который начала читать на прошлой неделе.

Телефон зазвонил, когда она надевала домашнюю майку. Запутавшись в горловине, Маша схватила трубку, нажала на громкоговоритель и закричала:

– Але!

– Ну что ты кричишь, как потерпевшая? – упрекнула ее Дуня, которая, наоборот, с трудом выговаривала слова.

– А ты что звонишь? – удивилась Маша, которая была уверена, что Дуня отключилась прямо в коридоре, закрыв дверь за последней гостьей.

Дуня на правах хозяйки выпила больше всех текилы и съела меньше всех пиццы – отчего последние два часа вечеринки ходила с загадочной улыбкой и, время от времени ударяя себя в грудь, возвещала, что обожает Людмилу Улицкую, и пыталась выдать развернутую критику фильму «Казус Кукоцкого».

– У меня гениальная идея! – сообщила Дуня. – Давай ты переспишь с Женей!

Женя был очень несчастненьким другом Дуни, у которого, по ее словам, лет пять не было секса, а так как Дуня за Женю, которого знала с детского сада, страшно переживала, то пыталась затолкать к нему в постель всех своих подруг. Подруги упорно отказывались.

– Слушай, дорогая! – воскликнула Маша. – Я уже отказывалась спать с Женей в благотворительных целях – в прошлом году. И в позапрошлом. С чего бы это мне менять свое решение?

– Ну... – Дуня задумалась. – Вдруг?.. Слушай, тебе что, жалко? Надо же спасать парня!

– Жалко! Сама с ним и спи!

– Не могу... – вздохнула Дуня. – У меня Антон. А так бы я, конечно, с радостью... Значит, ты против?

– Против! – подтвердила Маша. – То есть, конечно, если он заработает пару миллионов, сходит в парикмахерскую, поменяет гардероб, перестанет шарахаться от женщин, научится связно излагать свои мысли и хотя бы помоемся... Ну, тогда я готова подумать.

– Он моется, – заверила Дуня. – Просто редко.

– Ну, ладно, спокойной ночи, – пожелала ей Маша и повесила трубку.

Она задернула шторы, залезла под одеяло, поставила «Подальше от тебя», включила лампу и почувствовала себя очень счастливой. Она обожала маяться дурую. Ее всегда удивляли люди, которые сходят с ума от безделья. Подруга,

с которой она как-то раз отправилась с Египет, чуть не довела ее до нервного срыва – пока Маша валялась на пляже с ощущением полнейшего блаженства, та успела понырять с аквалангом, полетать на дельтаплане, прокатиться на банане, сыграть в волейбол... И когда все пляжные развлечения были исчерпаны, подругу потянуло на экскурсии. Конечно, еще в Москве Маша очень хотела посмотреть на пирамиды. Но в жарком Египте, вблизи от гостиницы с кондиционерами, бассейном и свежесжатыми соками, идея трястись на автобусе, бродить по жаре вокруг пирамид, отбиваться от приставучих арабов и всюду наткаться на верблюдов казалась ей абсурдной. В итоге подруга в одиночестве носилась по достопримечательностям и непрерывно упрекала Машу в том, что та лежит, как тюфяк, а жизнь проходит мимо. Но Маша не считала, что достопримечательности – это и есть жизнь. Ей хотелось расслабиться, а как можно расслабиться, не прекратив суету и движение?

Другие знакомые прямо-таки с гордостью сообщали, что не умеют отдыхать: мол, только выдастся свободный денек, как их тянет если не поработать, так сделать что-нибудь полезное.

Маша им не верила.

Она не понимала, как можно отказаться от такого удовольствия: просыпаешься в час, полдня валяешься в пижаме перед телевизором – смотришь все подряд, даже рекламу, пожираешь какие-нибудь чипсы или печенье, нако-

нец выходишь на улицу, покупаешь несколько фильмов, возвращаешься домой, заказываешь пиццу, вечером приезжает подружка, под бутылочку вина вы доедаете остатки пиццы и сплетничаете о знаменитостях и общих знакомых. Маша могла так жить неделю, месяц – пока не кончатся деньги, и ее совершенно не волновало, что где-то там есть вечеринки, сабо от «Вичини», борьба за место в Куршавеле и драгоценности от Стивена Уэбстера.

Маша вылезла из кровати, вышла в прихожую, стянула майку и осмотрела себя в зеркале. Ну, конечно... Есть над чем работать, есть. Разумеется, надо сходить к косметологу. А то зацвела по весне, как веник на помойке. Вода из крана течет ржавая, батареи кожу сушат... и все такое. И пузо висит, если честно. И задница тоже, мягко говоря, не на месте. И ручки стали какие-то рыхлые. Но, в общем-то, если не сильно придирааться, ничего катастрофического. Хотя если сравнивать с Дженифер Лопес... Но лучше не сравнивать.

Голая Маша пошла на кухню, вывалила на стол сумку, нашла сигареты и закурила. Последний раз она занималась сексом полтора месяца назад. С Матвеем она познакомилась в магазине. Назавтра он пригласил ее в гости, они выпили бутылку вина и занялись «любовью». Вино было дешевенькое, секс – хороший, кровать удобная. Как обычно, Маша решила, что это и есть любовь. Матвей не приглашал ее в рестораны, не дарил цветы – то есть не ухаживал, но они много времени проводили в постели, с ним было весело, и он ее

отвозил и привозил. Конечно, Маше хотелось, чтобы ее добивались, чтобы дарили подарки, выводили в свет, но у нее хотя бы был секс. И надежда на то, что она станет для Матвея единственной.

Но вскоре обнаружилось, почему Матвей столь очевидно экономит на прелюдиях – он ведь даже за вином не ленился ездить в оптовые магазины: Маша оказалась одной из многих. Как выяснилось, у Матвея были девушки первой категории – те, с кем он встречался более-менее постоянно, водил в кино и знакомил с друзьями. Водились девушки второго сорта – такие, кого было не стыдно показать друзьям, но очевидной пользы в них он не усматривал – они не работали на «Газпром», жили в однокомнатных квартирах, и их родители не владели стоматологическими клиниками. Также существовали и цыпочки на одну ночь – такие, которых до рассвета лучше увезти с глаз долой. Сколько проходило дам в месяц через его постель, трудно представить, но одно было ясно – ухаживать за всеми ему оказалось бы весьма накладно.

Судя по всему, Машу он причислил ко второй категории. Конечно, раньше она делала вид, что ничего такого к Матвею не испытывает, однако на самом-то деле мечтала его приручить – стать самой сексуальной, самой остроумной, самой-самой... Но так как влюбиться в него Маша не успела, то решила, что надо оставить все как есть – иначе из просто наивной дурехи она превратится в наивную дуреху, с кото-

рой никто не спит. Некоторое время она даже делала вид, что ее совсем не волнуют другие любовницы, пока не увидела одну из его пассий – случайно, на улице. Совершенно бесцветная девица лет двадцати трех, в жутких джинсах, отвратительных сапогах со стразами и в кошмарной мутоновой шубе. Девица была бледная, прыщеватая и какая-то отмороженная – скорее всего «цыпочка на одну ночь», которую не успели вовремя увезти домой. Маша, едва сдерживая ревность, что-то говорила Матвею, пока у нее не перехватило дыхание. Она смотрела на девицу и понимала, что это ее собственное отражение. Даже несмотря на шубу и сапоги. Еще одна такая же одинокая и глупая клюшка, которой заговорил зубы не приспособленный для отношений с женщинами примат, у которого эрекция возникает уже тогда, когда он вспоминает, сколько сантиметров в его половом члене. Размер почему-то Матвей считал невероятно важным моментом – словно он спит в обнимку со своим суперчленом, от которого, если уж совсем честно, одно неудобство и раздражение. Конечно, Матвей был удобен для секса, но Маша поняла, что нездоровая конкуренция с прыщеватыми девицами в облезлых шубах – это уже слишком.

Интересно, куда бы его послала Дженифер Лопес, если бы он набрался наглости подкатить к ней яйца? Что ни говори, а красота и слава – это защита. Не каждый простачок наберется наглости склеить шикарную девушку, которая одета в дорогие вещи и выходит из хорошей машины. Хотя, конеч-

но, встречаются разные экземпляры...

Маша до сих пор тряслась от злости, когда вспоминала потерявшего совесть азербайджанца, который вез ее в своей раздолбанной «пятерке» 1734 года выпуска – коррозия ее насквозь проела, а в салоне пахло овцами. Водитель мало того, что начал за ней ухаживать – то есть спрашивать, замужем ли она, а если не замужем, то пойдемте со мной в кафе, а почему это нет, я вам не нравлюсь, – так еще и обижался.

Маша совершенно озверела, но решила, что проще будет выйти, хлопнуть дверью и забыть весь этот бред, как дурной сон. Но забыть не получалось. Она вспоминала и воображала, как говорит:

– Послушайте, вот вы ездите на старой ржавой машине, на вашей куртке, от которой разит хлевом, – пятна грязи, у вас ногти черные, а стриг вас кто? Вы, может, сами себя брили бензопилой «Дружба»? Вы неаккуратный и, мало того, очевидно необразованный человек. Я же коренная москвичка, у всех моих родственников в третьем колене высшее образование, я работаю в известной пиар-компании, у меня «Фольксваген Бора», я в двенадцать лет прочитала почти всего Диккенса... Просто посмотрите на мое пальто, это авторская работа, «Персонаж», а у вас в машине – вонь! Неужели вы не видите, что мы разные люди из разных вселенных?.. Неужели я зря трачу сто пятьдесят долларов на стрижку и краску в месяц – столько, сколько стоит ваша машина?..

Но Маша испугалась. Она решила, что на последней фра-

зе он точно снимет с нее скальп, а волосы – сто пятьдесят долларов каждый месяц – продаст на парик. И она еще долго пыталась понять, отчего в ноги одним девушкам падают молодые и симпатичные миллионеры, а к другим притягиваются всякие нахалы на ржавых машинах?

Но так ничего и не поняла.

Почему ее знакомая Галя, пару лет назад расставшись с милым, правда, женатым, миллионером – своим ровесником, до сих пор получает от него десять тысяч долларов каждый месяц, живет в новом доме на Рублевке, а огромную квартиру в центре, которую тоже он подарил, сдает за бешеные деньги культурным шведам из ИКЕА?

Почему бойфренд ее подруги Ники через месяц знакомства повез Нику в Милан и купил ей все, что только можно купить?

Что с ней, Машей, не так?

Вообще-то у нее был так называемый роман с одним богатым мужчиной, и он даже подарил ей ручку «Паркер», которой Маша ни разу не пользовалась, потому что она перьевая. Да, это была любовь. С одним маленьким «но»: мужчина две недели как вернулся из свадебного путешествия и сразу после секса жаловался на то, как он любит жену, но в то же время очень любит Машу, ему так тяжело, так невыносимо, что разрывается сердце... Наконец Маша поняла: а) что жену тот не бросит – и не надо! б) что психотерапевты не зря получают свои гонорары – за то, что выслушивают таких вот

взвинченных идиотов, и рассталась с ним. На посошок любовничек заявил, что жить с грузом измены ему не по силам – он обо всем расскажет жене, и она, Маша, будет во всем виновата. Кстати, перьевая ручка, которая долго валялась в сумке, так и протекла и испортила подкладку.

Выкурив две сигареты, Маша вернулась в кровать, уставилась на экран и серьезно задумалась: кто ей ближе – та сестра, которая Камерон Диаз, или та, которая другая актриса? Решив, что ближе Диаз, но похожа она, как ни крути, на ту, другую, Маша свернулась в клубок и заснула.

Глава 2

В понедельник Маша, как обычно, проспала на работу. Значит – долой, косметика, долой, укладка, красивую стильную блузку некогда гладить – сойдет майка в полосочку, а к ней – джинсы, а не новая юбка, так как колготки все куда-то делись, а искать нет времени.

Да здравствует частичное мытье!

Однажды Маша все-таки очнулась по будильнику – то есть в восемь тридцать, бодро выпила кофе, не отключилась перед телевизором, честно приняла душ, прожгла майку, два раза смыла макияж, который отказывался накладываться по-человечески, потеряла линзу, залила сумку кофе... И решила, что никакие ранние вставания ее не спасут. Она приезжала на работу к десяти, до двенадцати приходила в себя, после чего красилась в туалете и была вполне довольна собой. Минут пять. Так как в двенадцать ноль пять – двенадцать пятнадцать приезжала начальница. Не то чтобы акула... То есть, конечно... Но уж если честно, то особенной стервой Лену назвать трудно. Иногда она даже была милой. Правда, в ней жутким образом сочетались сексапильная обаяшка, подруга известного бизнесмена и преуспевающая деловая женщина, владелица пиар-агентства, но это не главное. Главное то, что с такой талией, такой грудью и такими губами Лена была столь непохожа на всех них – девочек с лишним весом,

с комплексами, которые так и не исчезли с подросткового возраста, с зубами, на которые уже поздно ставить брекеты, и с надеждой на то, что классный парень, который пару месяцев назад в клубе взял у тебя номер телефона, все-таки позвонит. А Лена ездила на «Порше», никогда не слезала с высоченных каблуков – даже беременная, красилась только «Герлен» – у нее в сумке валялось косметики на тысячу долларов, она купила в офис массажный стол – чтобы каждый день принимать массажистку, жила одна – ну, теперь с ребенком и няней, в пятикомнатной двухэтажной квартире в Сокольниках, и, судя по всему, ничуть не переживала, что у любовника где-то там есть жена и трое детей.

Между ней и Машей лежала огромная пропасть. Маша, конечно, клялась, что ни за какие коврижки не вступила бы в длительные отношения с женатым мужчиной, будь он хоть Билл Гейтс с внешностью Джорджа Клуни, но все дело в том, что, сколько она ни зарекалась, сколько ни сидела на диете, у нее все равно не будет таких бедер, как у Лены. Потому что пирожное на ночь, и тосты с вареньем, и шоколадка – что еще может осчастливить одинокую женщину, чья красotka-начальница всего на три года ее старше?

Конечно, остальные девушки тоже завидовали Лене, но они завидовали ей так, как завидуешь Бритни Спирс или Скарлетт Йохансон. Эта жизнь была от них бесконечно далека – у них существовали свои нерушимые представления о прекрасном, и черный «Порше», туфельки от «Шай» за

шестьсот долларов и шоколадные обертывания не вписывались в их систему ценностей. Для них самым важным было уйти с работы ровно в девятнадцать ноль-ноль, и никакие поощрения, никакие премии, перспективы сходить на вечеринку и познакомиться с Артуром Смольяниновым не могли их прельстить.

Маша и им умудрялась завидовать: иногда ей было обидно, что другие умеют так просто жить, и огонь сомнений не жжет им душу.

А Маша так до сих пор и не поняла, ради чего живет. Ради того, чтобы до старости писать тексты в двадцать строк о новом креме, о новых духах, о новых лекарствах, новом магазине одежды или новой зубной пасте? Ради того, чтобы выйти замуж, родить ребенка и всю жизнь посвятить ему? Или ради того, чтобы открыть свое собственное агентство и превратиться в стерву с кругами под глазами, которая может себе позволить отдых на Карибах и молодого любовника?

Маша наконец добралась до офиса, обнаружила, что ее место на стоянке занял золотистый «Лексус», кое-как впишнула машину в очень неудобную щель, из которой вряд ли потом выедет, не задев черный «шестисотый» или серебристый джип «Ниссан», ворвалась в офис, швырнула на стол сумку, включила компьютер, открыла первый попавшийся документ – типа, она вся в работе, и пошла за кофе.

«Пошла за кофе» – это временная передышка до того, как повалятся звонки от недовольных клиентов – клиенты всегда

недовольны, до того, как позвонит Лена и попросит срочно найти договор с бильярдным клубом за 1998 год, до того, как менеджер проекта Оксана свалит на Машу две трети работы, которую должна делать сама, ну, и до того, как коллега Вика – девушка, которая пять раз в неделю ссорится со своим молодым человеком, примется в режиме нон-стоп посылать по АйСиКью жалобы на то, что мужчины – бессердечные животные.

«Пошла за кофе» – это значит налить, собственно, кофе, выкрасть у Лены из холодильника сливки, отправить sms Ксюше, с которой они иногда ходили в кино или в кафе – единственная девушка в офисе, кроме Маши, у которой не было ни парня, ни мужа, ни детей, ни кошки, – выбраться из офиса в закуток за стоянкой и выкурить пару сигарет в спокойной дружественной обстановке.

Когда Маша завернула за угол, Ксюша в нетерпении крутила в руках сигарету.

– Что так долго? – пробурчала она.

– Да как всегда, не выспалась ни фига, – Маша потянулась за зажигалкой. – Ты же знаешь – я с утра тормоз. Ни черта не соображаю.

– А что у тебя на щеке за красное пятно? – деликатная Ксюша ткнула пальцем Маше в лицо и вытаращила глаза.

Маша сравнялась цветом с пятном.

– Прыщ в туалете расковыряла! – призналась она. – Как дура!

– Круто! – кивнула Ксюша. – Может, ты еще и ногти грызешь?

– Нет, я в носу ковыряюсь! – рассмеялась Маша. – Ладно, не надо больше про прыщи, а то сейчас придет мисс Совершенство – а это меня и без прыщей деморализует.

– Скажи честно, ты ей завидуешь? – поинтересовалась Ксюша.

– Завидую ли я? – воскликнула Маша. – Ха-ха-ха! Не то слово! Я вообще, кажется, всем завидую.

– И мне?

– Тебе – нет, на тебя я смотрю сверху вниз с жалостью и снисхождением, – улыбнулась Маша.

– Вредная баба какая!.. – Ксюша пнула Машу мыском туфли. – Хоть бы кто мне позавидовал... Слушай, а вот у тебя цель есть?

Маша обожала, когда они с Ксюшей заводили подобные беседы. Это было очень по-детски, но так увлекательно – рассказывать о своих планах, мечтах, о доме, в котором будешь жить на берегу моря, о яхте, на которой будешь плавать, развалившись на палубе: справа – шампанское, слева – ведро черной икры, о том, с кем из знаменитостей они заведут романы... Другие ее подруги были серьезными девушками, они существовали в скучной реальности, и только Ксюша знала толк в мире иллюзий, только она одна понимала, что между мечтой и настоящей жизнью чисто формальная граница – безвизовый режим, никакой проверки на дорогах.

– Нет, – Маша покачала головой. – Нет у меня никакой цели. Даже самой заваливающей.

Конечно, она точно знает, что не собирается всю жизнь протрубить в том или другом рекламном бюро. Все ничего, но в сухом остатке получается, что ты работаешь только ради денег. Никакого морального удовлетворения. Конечно, деньги как эквивалент удовольствий, одежды, драгоценностей, машин, домов и квартир ее привлекали, но она не ощущала ни желания, ни возможности заниматься каким-либо делом только ради наживы. Делать деньги из воздуха, как, к примеру, риелторы, всяческие посредники, менеджеры и прочие люди, которые сами ничего не производят – то есть не строят, не готовят, не шьют, не пишут книги, не сочиняют песни... А ей хотелось дать миру нечто, но что именно, Маша пока не поняла. Даже направления не выбрала, где искать.

– А у меня есть! – загордилась Ксюша. – Хочу такой же пресс, как у Мадонны.

– И ты собираешься тренировать его усилием воли или все-таки пойдешь в спортивный зал?

– Уже пошла! – восторжествовала Ксюша. – Вот! – она задрала майку, и Маша уставилась на пухлый белый живот с тремя поперечными складками.

– Офигеть! – воскликнула она. – Просто невероятный результат! Сплошные квадратики! Это за сколько занятий? За одно? Или за два?

– Не надо упражняться в остроумии, – надулась Ксюша. – Знаешь, как у меня все болит? Я смеяться не могу.

– Давай тогда я расскажу тебе что-нибудь грустное? – предложила Маша.

– Лена приехала... – прошипела Ксюша, уставившись на черный «Порше Каррера».

Пока Лена парковалась, они выплеснули остатки кофе в мусорное ведро, подхватили телефоны, сигареты и побежали в офис. На ходу кивнув Маше, Ксюша рванула к себе, а Маша вернулась к менеджеру Оксане, и та с недовольным видом положила ей на стол информацию о новой мобильной услуге, которую следовало хорошенько пропиарить.

Маша открыла папку и с нескрываемой тоской уставилась на бумаги. Пару недель они будут ломать себе головы над тем, как бы получше продать очередную услугу вроде «каждый десятый исходящий – бесплатно», и все это ради того, чтобы некие люди – владельцы компании – стали еще богаче. Что после этого останется? Да ничего! Скрипишь мозгами, а спустя год никто и не вспомнит, что там было в этой рекламе. За две недели можно написать короткий любовный роман – даже жанр есть такой – «короткий любовный роман», так его хотя бы кто-то добровольно прочитает, а не увидит по телевизору в тот самый момент, когда, допустим, Шарлиз Терон в «Адвокате Дьявола» истекает кровью, и может даже получит удовольствие и оставит отзыв в Сети типа: «Страстная стерва на тропическом пляже» – отпадная книга, там такой

отпадный герой и такая отпадная героиня, и у них отпадный крутой секс на крутом курорте»...

Маша ворчала, ныла, но работала, а также отвечала на эс-эмэски, почитывала статьи на клео. ру и время от времени трепалась по телефону – делать все это одновременно она научилась за три года деятельности в рекламном бизнесе и за три года службы в газете. Но за окном стояла такая погода, что Маше все труднее было сосредоточиться на работе. Как же ей хотелось туда, в город, под солнышко, которого так не хватало зимой! Хотелось бродить по улицам, пока ноги не отвалятся, хотелось пить капучино в уличных кафе, есть шаурму на ходу, сидеть на бульварах, подставив лицо горячим весенним лучам... Маша тайком оглядела коллег – может, они все чувствуют себя тоже словно в клетке? Но нет – остальные были увлечены работой, оживленно обсуждали концепцию чего-то там по телефону, с умным видом составляли таблицы в «Экселе» или печатали очередную нетленку типа «Новые духи... тыры-пыры... от... тыры-пыры... предназначены для божественных, волнующих женщин, знающих себе цену, и отражают общую философию модного дома... тыры-пыры... – „любим себя, все остальное – суeta“...

Маша не уставала удивляться тому, как, на первый взгляд, умные, образованные, в меру циничные, деловые, немного нахальные девушки в секунду преображаются – бледнеют, дрожат и срывающимся голосом спрашивают: «Ну, как?» –

стоит коллегам заглянуть в их писанину. Единственное, за что ее ценила начальница, – за внятные тексты, иначе бы ее давно уволили. Тексты всегда нравились клиентам – самые психически здоровые (те, которые не делали вид, что тексты им обычно пишет Хелен Филдинг, а видео снимает Гай Ритчи) сияли от удовольствия, когда читали сочинения Маши, – а она еще и стыдилась, так как точно знала – чтобы все это написать, много ума не надо, надо просто отличать Толстого от Достоевского.

К счастью, к вечеру погода не испортилась. Маша быстро накатала пару текстов, внесла свои предложения и под шумок слиняла из офиса пораньше – в шесть, чтобы ухватить весну за хвост.

От Кузнецкого моста она спустилась на Тверскую, дошла до Пушкинской, свернула на Бронную, оттуда – на Патриаршие, а обратно двинулась по кольцу, на котором гудела многокилометровая пробка. Видимо, в организме москвички в четвертом колене происходили какие-то мутации – душный, пропахший бензином и соляркой городской воздух нимало ее не раздражал. Наоборот – за городом, на курортах, она даже скучала по городскому смогу, по шуму и дыму, и, в отличие от большинства разумных людей, вовсе не рвалась на природу, а при мысли о жизни в деревне у нее начиналась мигрень. То есть, с одной стороны, Маша любила бывать на дачах, любила купаться, любила запах лугов и полей, запах моря, но представить, что можно долго жить вне города, не

могла.

Надышавшись полной грудью углекислого газа, Маша вернулась на Кузнецкий Мост, завела машину – к счастью, и черный «шестисотый», и серебристый «Ниссан» отчалили, и поехала в «Маккафе».

У нее было назначено свидание!

С милым и сексапильным актером. Актер был пока не очень известный, но как-то сыграл в одном сериале с Абдуловым – правда, в эпизоде, и главную роль в малоприметном фильме одного сильно маститого режиссера. Но Вася хорошо выглядел, классно одевался и все-таки был артист, а не какой-нибудь там нудный и закомплексованный компьютерный гений. Хотя с точки зрения чистого разума, компьютерный гений больше годился в бойфренды, чем малоизвестный актер: гений мог заработать много денег, компьютерщики редко изменяют своим девушкам (по крайней мере, с живыми людьми, а не с жесткими дисками), они домашние, спокойные, послушные...

Так вышло, что отношения у Маши с Васей начались как дружеские – у него тогда была девушка, а теперь девушки не стало, и Маша очень рассчитывала на это свидание. Пусть у нее немного лишнего веса... Стоп! Любая женщина найдет у себя лишний вес, так что хватит заикливаться на недостатках! Конечно, у нее в последнее время что-то жуткое с кожей – сплошное раздражение, но если в целом...

Черт!

Маша старалась убедить в себя в том, что она ничем не хуже если не Анжелины Джоли, то уж хотя бы Киры Найтли, но чем ближе она оказывалась к «Маккафе», тем глупее себя чувствовала.

Ну с какой стати она решила, что модный Вася в модных джинсах от «Мориса и Франсуа Жербо» вдруг ни с того ни с сего решит, что она – именно та самая девушка, с которой он захочет провести не только сегодняшний вечер, но и ближайшие триста шестьдесят пять вечеров?

– Это невыносимо... – застонала Маша и вытерла потную ладошку о джинсы.

Ну почему она такая мямля? Почему в обществе симпатичных, обаятельных и более-менее успешных мужчин она ведет себя так, словно дала обет безбрачия? И почему в присутствии каких-нибудь безнадежных подонков становится уверенной в себе, остроумной и яркой женщиной, которая в полной мере осознает собственные сексуальность и привлекательность? А?!

Почему ей всюду мерещатся длинноногие шикарные девушки в развевающихся одеждах от «Кавальи», по сравнению с которыми она, Маша, – пустое место? Откуда это у нее?

Наконец Маша припарковала машину, медленно и с достоинством прошествовала до кафе, приняла непринужденный вид и вошла в первый зал. Там, развалившись на стуле, ее уже ждал Вася. Выглядел он отлично, и все девушки в

кафе не оставили это без внимания. Все-таки Вася – актер, и уж что-что, а герои-любовники у него выходили отлично. Девушки не знали, что это всего лишь игра, и он в очередной раз прокатывает роль из «Трамвая „Желание“ – в „Трамвае“ Вася не играл вообще-то, но в жизни Стенли Ковальски у него выходил отменно – намного лучше, чем Рэтт Батлер. Вася сделал все, чтобы девицы от зависти попадали со стульев: вышел ей навстречу, распахнул объятия, прижал к себе Машу, расцеловал, некоторое время пристально смотрел ей в глаза... Это было эффектно – поверженные девицы немедленно принялись перешептываться.

– Хочешь, пойдем сегодня на «Мастера и Маргариту»? – тут же предложил он. – Там Волкова играет. А потом поедem к Лимонову в гости – они там что-то устраивают, какой-то художник из Франции приехал...

В этом был весь Вася – он не мог усидеть на одном месте больше получаса: стоило зайти в ресторан, и он уже планировал, куда двинуться дальше. Машу это немного раздражало – именно сейчас, так как у нее на Васю были совсем другие планы, и она сказала, что на голодный желудок думать не способна, дайте ей меню немедленно.

Они сделали заказ, Вася вышел в туалет, а Маша исподтишка рассматривала девиц. Две шатенки, что сидели в баре, выглядели как сотрудницы большой корпорации – строгие брючные костюмы, на одной белая блузка, на другой – фиолетовая, простые черные шпильки с острыми мысами – по

меньшей мере, «Маноло Бланик», сумки «Биркин» – красная и черная, и скромные драгоценности с бриллиантами.

Блондинки (формально – одна платиновая, вторая – пепельная) смахивали на кукол Барби: на одной – розовое шифоновое платье с ярким принтом, серебристые туфельки и розовая сумочка, на второй – голубой шелковый топ с кручей блесток, кружев, бисера и люрекса, супер-секси-джинсы со стразами и такой низкой талией, что кружевные стринги виднелись почти целиком, и сумочка от «Дольче&Габбана» – вся в брелоках.

– Ты слышал о том, что дом Гинзбурга собираются сносить? – спросила Маша Васю, когда тот вернулся.

– Да, пипец! – кивнул Вася. – Я даже уверен, что снесут и глазом не моргнут!

– Не понимаю, как вообще у этих варваров поднимается рука разрушать наш город! – завелась Маша. – Неужели они вообще ни черта не понимают? Конечно, с одной стороны – это кошмарная коммунистическая общага, там даже кухонь нет – предполагалось, что люди будут обедать в общих столовых, но ведь можно реконструировать это в гостиницу, сохранить дом... – Маша в отчаянии развела руками. – Только как сохранять, если тебя в бетон потом закатают – в тот, из которого на этом же месте построят какой-нибудь вшивый офисный центр, спроектированный двоечником из МАРХИ, – лишь бы дешевле вышло?

Одна из брюнеток закатила глаза и с тоской взглянула на приятельницу. Та презрительно хмыкнула.

– Интересно, ее мама учила так себя вести на первом свидании? – хмыкнула первая.

– Да безмазняк, – заскучала вторая. – Дохлый номер.

– Ты это боссу скажи, – пригрозила вторая.

– А что я? Попытка – не пытка, только толку... – вздохнула вторая.

Блондинки, наоборот, оживились.

– Наш человек, – улыбнулась платиновая.

– Ты поняла, что мы здесь не одни? – пепельная едва заметно кивнула в сторону шатенок. – Рано радоваться.

– Слушай, по крайней мере, она не оторва какая-нибудь – уже хорошо! – платиновая развела руками.

– Что будем делать с этим кексом? – пепельная скосила глаза в сторону Васи.

– Не заморачивайся! – отмахнулась платиновая. – Это не тот человек, который ей нужен.

Одна из брюнеток – та, что в фиолетовой блузке и с черной «Биркин», сползла с высокого стула, прошла по залу, виляя мускулистыми бедрами, и без приглашения устроилась за столиком блондинок.

– Гламур умер, девочки, – заявила она, оценив их наряды. – Вы разве не слышали?

– Тина, спасибо за информацию! – платиновая приложила руку к груди. – Что бы мы без тебя делали! Судя по тебе,

сейчас модно демонстрировать, что не занимаешься сексом, страдаешь запорами и не можешь заснуть без лошадиной дозы феназепама?

– Зой, ну я понимаю, ты считаешь, что «Вишневый сад» – это комедия, но ты бы все-таки придержалась на людях чувство юмора, а то неловко как-то, – произнесла Тина.

– Тин, ты еще можешь обосрать мою прическу, цвет туфель, дату рождения, пол, вес и объем бюста, так что давай считать, что ты сказала все, что думала, и вали отсюда, – с милой улыбкой предложила Зоя.

– Не все так просто, – Тина развела руками. – Я бы с радостью, но тут наш клиент, – она кивнула в сторону Маши.

– На фразе «наш клиент» я бы все-таки тебя попросила... – возразила Зоя.

– То есть вы-таки решили биться головой об стену? – уточнила Тина.

– Слушай, в психологии ты никогда не была сильна, так что не пытайся нас деморализовать такими примитивными методами. Самой же должно быть стыдно, – усмехнулась Зоя. – Тоже мне, пошла на медведя с зубочисткой!

– Ну, я вас предупредила, – Тина развела руками. – Мы дышим вам в спину.

– Да уж, удар в спину – это ваша специализация, – отрезала Зоя. – Кстати, ты мне все-таки объясни, почему на вас эти милые водолазные костюмы? – она глазами показала на строгий черный костюм собеседницы.

– А нам не нужна праздничная упаковка. Зло само по себе привлекательно, – хмыкнула Тина и вернулась за барную стойку.

Глава 3

После «Маккафе», после кино под открытым небом – Маше очень понравилось, тем более что показывали «Труп невесты», – они отправились в «Инфинити», где Вася был нарасхват. Он ее познакомил с кучей народа, все было просто отлично – пока Маша, увлеченная светской беседой с дочерью известного бизнесмена, не обнаружила, что на Васе виснет какая-то девица. Маша даже ее узнала – одна из этих стервозин с сумками «Биркин». Она еще в кафе на них пялилась – глаз не отводила.

– Извини, – произнесла Маша, не глядя на собеседницу, подхватила свой бокал и пошла к ним, чтобы лично насыпать соли на свое раненное самолюбие. – Веселишься? – как ей казалось, непринужденно спросила она у Васи.

– Это Лика, – представил он девицу в полупрозрачной белой рубашке. – А это Маша.

При всем при том, что Лика была одета так, словно собиралась взять кредит в банке, в ней было что-то... демоническое. То, как она смотрела, то, как себя преподносила... Маша не могла это внятно объяснить, но девица была огого. А подлый Вася держался так, будто Маша – его кореш, и он ничем ей не обязан. А чем и правда он ей обязан? Маша даже серьезно задумалась, а не уехать ли в другой город – в небольшой городок, совсем маленький, где она будет ца-

ревной только потому, что столичная штучка (хоть на первое время)? Ведь если продать квартиру здесь, можно купить шикарные, самые большие и самые элитные апартаменты где-нибудь... в другом месте, а на оставшиеся деньги год жить припеваючи...

Лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме, да...

Или, может, организовать спецкурсы по экстремальному выживанию в большом городе? Такие тренинги там будут: приглашают суперзвезду... кто у нас сейчас суперзвезда? – ну, допустим, Григорий Антипенко... на эти курсы, усаживают его в баре, загоняют туда толпу красавиц-моделей, и тебе надо в этой тревожной обстановке привлечь внимание актера. Слабо? А экзамен – ужин с женщиной твоей мечты и Анастасией Волочковой. Можно вообще такое реалити-шоу организовать: «Кто может отбить миллионера?»...

Ну, ладно, это она пригласила Васю на ужин, это она без остановки вещала о доме Гинзбурга, о Военторге и о преступном уничтожении завода «Красный Октябрь», но, похоже, ей надо было сразу перейти к теме «Секс – мое любимое занятие».

– Может, поедem ко мне? – проворковала Лика.

Вася глупо хмыкнул и что-то промычал.

– Маш, ну ладно, веселись давай, я пошел, созвонимся, у меня голова болит, поеду, наверное, посплю, – пробормотал он и бросил ее, обиженную и растерянную.

Отличная тактика! Сначала эти девицы делают вид, что им нужен только секс, принимают душ, вызывают такси, мужское самолюбие получает удар – как же так, она меня использовала, я не охотник, я – жертва, и вот он уже просто вымогает у нее номер телефона, записывает свой, пару дней ждет, что она позвонит, звонит сам, она не может с ним встретиться в ближайший месяц, за неделю он оставляет одну тысячу триста сообщений на ее автоответчике, она снисходит до него, он ведет ее в лучший ресторан, отбивает от всех мужчин, с которыми она беззастенчиво флиртует, приглашает на лучшие вечеринки – от большинства она отказывается, потому что ее уже пригласили или у нее дела...

Может, так и надо?

И все-таки курсы по экстремальному выживанию в большом городе – это отличная идея. Все, у кого в детстве «Гордость и предубеждение» была настольной книгой, валом повалят переучиваться.

– О! Я тебя помню! – послышался за спиной не очень трезвый голос.

Маша обернулась и уставилась на платиновую блондинку из «Маккафе».

– Да, я тебя тоже помню, – мрачно сказала она. – Похоже, в Москве всего два места, куда можно пойти.

– Я видела, как увели твоего парня, – бесцеремонно заявила блондинка.

– Я счастлива, что это знаменательное событие не прошло

незамеченным! – Маша всплеснула руками.

– Слушай, я просто хочу сказать, что если он ушел с Ликой – значит, он потерян для общества, – примирительно произнесла та.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовалась Маша.

– Да ее перетрахал весь город, а также большинство гостей столицы! – радостно сообщила девица. – Ты не знала? Она просто нимфоманка хренова – надо себя не уважать, чтобы лечь с ней в постель!

Мысль о том, что Лика – потаскушка, а Вася себя не уважает, согрела Машину душу. Правда, все эти мысли были призом для проигравшего и все равно не отвечали на вопрос: почему весь город, а также гости столицы предпочитают сексапильных нимфоманок, а не приличных образованных девушек? Если бы Маша жила лет двадцать назад, можно было бы утешиться тем, что на таких, как Лика, не женятся, но пока Маша тоже не получила ни одного предложения руки и сердца (семинарист Паша в десятом классе не считается), и это вряд ли могло ее успокоить.

– Пошли за наш столик! – воскликнула блондинка. – У нас куча шампанского!

Ну, девичник так девичник, решила Маша. Она присоединилась к блондинке, которую звали Зоей, и ее подруге, которую звали Дашей, и, если честно, здорово провела время. Даже несмотря на критическое отсутствие секса. Правда, к ним все время клеились очень привлекательные молодые люди,

но девушки только раздавали телефоны, ни с кем не желая сближаться.

– Я могу вас угостить? – предложил невероятной красоты молодой человек, от которого Маша не могла оторвать глаз.

Девушки вдруг согласились, и вскоре на столе появилась новая бутылка шампанского, а также клубника и еще какие-то фрукты.

– Не хотите поехать на частную вечеринку за город? Это не очень далеко, на Рублевке, – предложил красавец.

Зоя прищурилась:

– Прости, но мы не так хорошо знакомы, чтобы ехать вместе за город.

Маша под столом пнула Зою ногой. Она очень хотела на Рублевку, на вечеринку – с незнакомым молодым человеком, так как надеялась, что там будет кровать, где они проведут несколько часов, занимаясь самым страстным сексом за всю историю человечества. Она и Артем – так звали молодого человека.

Но Артем, казалось, не слишком расстроился – то есть, возможно, расстроился, но виду не подал.

– Но я могу вас куда-нибудь пригласить? Завтра? – поинтересовался он, обращаясь к Маше.

У нее даже закружилась голова.

– Да-а... – промямлила она.

– Оставьте свой телефон, она вам перезвонит, – вмешалась Даша.

Маша зыркнула на нее: мол, не лезь не в свое дело, но Артем уже записал телефон, протянул Маше визитку и отклонился, сообщив, что его ждут на той самой вечеринке.

– Что вы себе позволяете?! – набросилась Маша на девиц, как только он исчез из поля зрения. – Зачем надо было вмешиваться?!

– Мы просто хотели, чтобы ты ни о чем не жалела, – Зоя развела руками.

– О чем бы я жалела?! – бушевала Маша. – О том, что вы отбрили самого красивого мужчину, которого я видела в своей жизни?! Да?! С какой стати? Кто вы такие?

– Слушай, позвони ему завтра, – посоветовала Даша. – Пусть помучается. Ты ведь ему понравилась.

– Да, возможно, он сегодня снимет какую-нибудь... Лику и думать обо мне забудет!

– Ну, и пошел он тогда... – Зоя пожала плечами. – Ты что, совсем себя не ценишь?

– О боже! – Маша схватилась за голову. – Вы из какого века, девочки?

Девушки обменялись тревожными взглядами.

– А ты думаешь, что если ты с ним пересподишь прямо сегодня, у тебя есть шанс завести хорошего парня? – поинтересовалась Даша.

– У меня есть шанс переспать с хорошим парнем! В наше время это уже немало! Был шанс! К тому же я не хочу никого мучить – я же не инквизитор! – возмущалась Маша. – Ладно,

мне пора. Пока, мамочки.

Подруги проводили ее глазами, уставились друг на друга, и Зоя сказала:

– Чего она вообще хочет?

– Она живет не реальностью, а надеждой, – предположила Даша. – Нелегко тебе придется. Хочет, как в сказке, всего и сейчас. И уже привыкла к разочарованиям.

– Придется организовывать сказку? – загрустила Зоя.

– А что делать? – с сочувствием отозвалась Даша. – Такая у тебя работа.

– Эй! – закричала Дуня. – При-ве-ет! – Она поставила сумку и пакеты на пол, заглянула в комнату, возмущенно фыркнула и закричала: – А ну, вставай, корова! Ты сколько здесь валяешься?

– А какое сейчас время года? – жалобно произнесла Маша.

– Ты что, все праздники провела в кровати?! – негодовала Дуня. – Ну и вонь! – Она открыла окна. – Накурила!..

– Черт! Холодно же... – заскулила Маша. – И ничего я не все праздники тут провела – я позавчера выходила в магазин, вот!

– Кошмар! – Дуня всплеснула руками и принялась выкидывать упаковки от «Доширака», плавленого сыра, пачки сигарет и обертки от шоколадок. – Что разлеглась? – Она пнула матрас, который уехал в сторону. – Давай помогай!

Маша нехотя вылезла из кровати, взялась за тряпку, и спустя два часа они привели квартиру в порядок. После чего Дуня затолкала подругу в ванную, притащила туда стул, закурила и поинтересовалась:

– И в чем дело?

– Я глупая, бездарная, уродливая, меня никто не любит, я никому не нужна, – пробубнила Маша заученный текст.

– У тебя есть реальные основания для подобных заявлений? – ухмыльнулась Дуня.

– Еще бы! Оснований хватит даже на тебя! – хмыкнула Маша.

Началось все с того, что прямо перед майскими каникулами ее вызвала Лена. Начальница где-то нахваталась всякой ерунды – наверное, любовник показал ей свод корпоративных законов, в соответствии с которым сотрудника следовало мотивировать, то есть убеждать в том, что скучная и бесполезная работа – офигительно полезная и увлекательная. Пока Лена что-то бубнила обо всех этих мотивациях и прочей белиберде, Маша размышляла – позвонить Артему прямо сейчас или обождать до вечера.

– ...недостаточно эффективно... ля-ля-ля... – донеслось до нее.

– Что вы имеете в виду? – очнулась Маша.

– ...если сложить затраты на офис, на уборку помещений, зарплаты на сотрудников, то выходит, что доходы не покрывают расходы, и я тебе переплачиваю, так как ты не прино-

сишь мне прибыль, – выдала Лена.

Маша открыла рот.

Повисла пауза.

– И что вы предлагаете? – спросила Маша. – Может, мне приходиться пораньше и убираться в офисе? Чтобы сократить затраты?

Она была в ярости. Что за чушь? Маша была рядовым сотрудником, она не должна искать новых клиентов, она просто часть механизма, шестеренка, а ей тут вменяют какую-то халатность, да еще и уборщиц приплели!

– У тебя в контракте написано, что я могу как повысить, так и снизить твой оклад, если ты работаешь недостаточно продуктивно, – выдала Лена.

– То есть вы хотите понизить мне зарплату? – ахнула Маша.

– На десять процентов, – отрезала Лена.

«Какая наглость!» – вспыхнула Маша.

Это было унижительно, а главное, несправедливо! Маша, хоть и не очень любила свою работу, но хорошо справлялась – клиентам она нравилась, так как никогда не считала их идиотами (кроме, разве что, двух безнадежных случаев), писала приличные материалы и здорово организовывала всяческие вечеринки. Просто Лена решила сэкономить, а она, Маша, была виновна в том, что без достаточного воодушевления относилась ко всякой ерунде типа «креатива», за который все выдавали очевидно бездарные идеи.

– Это несправедливо, – заявила она.

– Наказание – тоже стимул, – с умным видом произнесла Лена.

– Лен, может, вы меня поставите в угол, а зарплату оставите как есть? – ляпнула Маша, но не стала ждать ответа – вышла из кабинета и не удержалась, хлопнула дверью, правда, не сильно.

Конечно, в этот день Маша отправила двадцать резюме, а вечером обзвонила все номера в записной книжке, но по закону подлости все те, кто вопил и стenal, что им не хватает сообразительных и опытных сотрудников, уже наняли кого-то (Маша знала – как только она найдет работу, приятели будут звонить и жаловаться, что их сотрудники, коллеги – полные идиоты, зла на них не хватает).

А завершилось все это тем, что она позвонила Артему, и он ее не вспомнил.

То есть все-таки вспомнил, но для этого ему потребовались определенные усилия. Если бы не Лена, она бы почти не расстроилась – ну, Маша, ну, из «Инфинити», мало ли у него таких Маш, но сегодня был не ее день, и она на него обиделась.

– Маш, извини! – вроде бы искренне расстроился Артем. – Я сейчас занят. Оставь телефон, я перезвоню.

Маша нехотя оставила номер телефона – не жалко, все равно не перезвонит, повесила трубку и решила, что она – сильная и нюни распускать не будет. После чего заползла

в кровать – прямо в блузке и джинсах, накрылась одеялом, уткнулась лицом в подушку и поклялась лежать вот так, пока не умрет, и когда ее тело найдут, то все они пожалеют, что потеряли такого человека. Но довольно скоро Маша захотела в туалет – пришлось вылезать из-под одеяла, а на обратном пути она выключила все телефоны – если Артем не позвонит, она ничего не хочет об этом знать. Она решила, что сегодня будет честно страдать, а с завтрашнего дня начнет новую, активную жизнь. Но на завтра погода испортилась, настроение упало до нуля градусов, и Маша так и лежала в кровати с выключенным мобильным и мыслями о том, что после ее безвременной кончины останется только предложение магазину дорогой одежды о презентации весенней коллекции и оригинальной системе скидок. Будут ли ее за это ценить потомки?

В общем, в таком состоянии Маша провела праздники – однажды съездила в парк «Сокольники», но замерзла как цуцик и продолжила валяться на кровати – пока в последний день каникул не приехала Дуня.

– Знаешь, Маш... – вид у Дуни был обеспокоенный. – Мне кажется, это заговор.

– Что?.. – растерялась Маша.

– Я вижу здесь систему. По-моему, весь мир против тебя.

Маша швырнула в Дуню мочалкой. Пока она не знала, что так оно и есть – это заговор, система, весь мир против нее, но Дуня невольно сказала правду, хоть и сама не подозревала

об этом.

– Пойдем в кино, а? – предложила Дуня.

– А пойдем! – согласилась Маша и потянулась за полотенцем.

Она высушила голову, включила телефон – ей сразу же позвонил Артем, и Маша с перепугу пригласила его в кино-театр. Когда он подъехал за ними на внедорожнике «Тойота», Дуня подмигнула Маше и прошептала:

– Может, мне срочно надо сдать видеокассеты?

Но Маша отказалась, так как не была готова к настоящему свиданию с классным парнем на «Лэнд Крузере».

Они посмотрели «Сайлент Хилл» – Маша большую часть фильма прикрывала глаза растопыренной ладошкой и порывалась уйти, но Артем хватал ее за руки и уверял, что с ним не страшно. Несколько раз Маша чуть было не призналась Дуне, что вот сейчас самое время «срочно сдать видеокассеты», но ей хватило мужества понять, что это было бы неприкрытым свинством. А целоваться при Дуне и вовсе неприлично...

После фильма Артем посадил Дуню в такси и повез Машу домой.

Он ждет, что она его пригласит? А она?.. И что делать? Машу всегда смущал этот момент – когда еще ничего не было, но понятно, что если он пойдет с ней – значит, она приглашает его на секс, а если приглашает на секс, значит, наверное, надо с порога заниматься сексом, потому что всякие

там: «Хочешь кофе?» – дешевая фальшивка, так как кофе никто не хочет, все хотят трахаться... В общем, обстановка тревожная, что делать – непонятно.

– Э-э... – промычала Маша, когда Артем припарковал машину у нее во дворе. – Может, поднимешься? Выпьем водки, устроим оргию...

Он посмотрел на нее, улыбнулся, наклонился и поцеловал так, что у Маши засосало под ложечкой. «Я хочу его! Я так хочу его!» – вопила она про себя, представив, какой он красивый без одежды, какой стройный, мускулистый... Почему, ну, почему бывают такие совершенные люди? У них нет ни грамма лишнего жира, каждая мышца накачана, волосы идеально лежат, кожа гладкая и красивая... Артем был пепельный блондин – волосы, стриженные по последней моде – испанский ирокез, были густые, но мягкие, кожа светлая, с легким оттенком давнего загара, и он был не то чтобы крепыш, но и не худенький – примерно, как Джонни Депп.

Ее идеальный мужчина.

– Я поеду... – откуда-то издалека послышался его голос.

– Куда поедешь?.. – очнулась Маша. – А как же наш бурный незабываемый секс? – Вот черт! Что она несет? Стоп! Остановись! Почему стоит ей расстроиться или обидеться, из нее рвется всякий бред?!

– Маш, извини, я не занимаюсь сексом... – он запнулся. – Без чувств.

– Что значит «без чувств»? – опешила Маша. – У меня

очень много чувств, и я ощущаю, если ты вот так уедешь, я этого не переживу! Зачем ты со мной целовался?!

– Маша, ты мне нравишься, но мы почти незнакомы, и я не хочу, чтобы мы друг друга использовали только ради секса, – выдал Артем. – Для меня отношения – это нечто большее, чем просто секс, и я бы хотел, если ты тоже хочешь... – Артем разволновался. – В общем, попробовать, чтобы у нас что-то получилось... то есть, ну... что-то я стал запинаться...

– Ты меня не хочешь? Тебе не понравилось со мной целоваться? – воскликнула Маша.

Она просто не могла поверить, что красавец-мужчина пригласил ее не потому, что сегодня ему не с кем переспать, а потому, что хочет «попробовать, чтобы у них получилось», – и отказывается от секса, который ему не просто предлагают, нет – навязывают! Отказывается потому, что не может заниматься им без чувств!

Ей все это снится! Никакая Дуня к ней не приходила – вчера она перебрала со снотворным, и ей снится кошмар!

– Мне понравилось с тобой целоваться, – заверил Артем. – Я с большим удовольствием еще раз тебя поцелую, просто я, если честно, не ожидал, что это... намек на секс.

– Извини! – в сердцах Маша приложила руку к груди. – Просто раньше я думала, что люди сначала целуются, потом возбуждаются, после чего плавно переходят к... более интимным удовольствиям, так как поцелуй, собственно, часть

сексуальной прелюдии...

Выпалив все это на одном дыхании, Маша решила, что лучше всего будет сбежать прямо сейчас, пока он не сказал, что их встреча была ошибкой, так как общение с сексуально озабоченными истеричками не входит в его планы...

Зачем она вообще начала эту бессмысленную дискуссию о поцелуях и сексе? Что вообще происходит с этим миром? Это он, неотразимый красавчик, должен был напрашиваться к ней домой, а ей следовало ломаться и отнекиваться...

– Слушай, я рад, что мы об этом заговорили, потому что для меня это важно, – ответил Артем. – Я не занимаюсь одноразовым сексом. Если ты не против, я бы хотел пригласить тебя на ужин, поговорить, пообщаться, понять, нравимся ли мы друг другу.

Маша задумалась. С одной стороны, ей очень хотелось, чтобы Артем вот прямо сейчас забил на все свои принципы и отправился к ней заниматься любовью – еще бы, полтора месяца у нее не было мужчины! И она его даже чуть-чуть ненавидела – за то, что у него скорее всего с его-то внешностью и с машиной никогда не было проблем с личной жизнью. И за то, что он как бы выставил ее похотливой жабой вроде Шерон Стоун в первом «Основном инстинкте» – такая старомодная тема: «Мы не встречаемся, мы трахаемся»... Может, она, Маша, просто устарела? Может, секс на первом свидании давно вышел из моды? А с другой стороны, он же милый и красивый, и он предлагает ей ОТНОШЕНИЯ. Если бы он

сейчас оказался с ней в постели, что бы она думала завтра? Что он ее использовал? Что он не позвонит? Что таких, как она, у него сотни, или тысячи, или миллионы? Боже мой, он предлагает ей встречаться, а она еще и обижается! Раньше ведь люди и правда целовались не меньше года, прежде чем оказаться в одной постели... И ничего – все живы!

– Да! – воскликнула Маша.

– Я позвоню тебе завтра?

– Конечно!

Из машины она вышла потрясенная, зашла в подъезд, подождала, пока Артем уедет, сбегала в ближайший бар за вином – его налили в пластмассовый стакан, пристроилась на лавочке и попыталась привести мысли в порядок.

Такого же не бывает?

А с другой стороны, это так романтично! Просто она вбила себе в голову, что «мужчинам надо только одно»... фу-фу-фу, какая глупость... и всю жизнь отталкивалась от предположения, что главная цель мужчины – секс и что они могут потерять к тебе интерес тогда, когда его получают – будь это на первом свидании, или на двадцатом, а из этого следует, что чем раньше ты выяснишь, что нужно мужчине, секс или ты, тем дешевле отделаешься. Глупо, да?

Было бы глупо, если бы не было мужчин, вроде Антона – приятеля Маши, который два года ухаживал за девушкой Настей ради того, чтобы переспать и больше ни разу ей не позвонить! Они были друзьями, он помогал ей, когда умерла

бабушка, приезжал в три часа ночи, если ей было плохо, покупал лекарства, когда она болела, и вот, стоило Насте подумать: «Я не заметила, что счастье у меня под носом!», распахнуть объятия и сказать: «Я твоя!», как он просто тупо исчез.

Конечно, с Артемом наверняка хотят переспать все девушки, а если он не принадлежит к числу психов, считающих главным мужским достоинством количество женщин, которых они затащили в постель, то... То это ее парень! Идеал современного мужчины!

Маша подняла голову и с удивлением посмотрела по сторонам. Жизнь прекрасна! Прекрасна! Небо – голубое! Точнее – синее! Луна! Звезды! Облака! Весна! Ура!

– Чертовы куклы! – пробормотала Тина, наблюдавшая за Машей из черного «Мерседеса»-купе, схватила телефон и рывкнула в трубку: – Они ей любовничка подсунули! Суки! Ой, ну придумаю что-нибудь... Да уж, тот еще красавчик... Эта дурында на седьмом небе... Да, есть у меня план – закачаешься. Ладно, я в «Дягилев». Ага, целую.

Дождавшись, когда Маша зайдет в подъезд, Тина выехала в переулок. Навстречу ей двигалась бледно-розовая «БМВ» – за рулем сидела гламурная блондинка.

– Все отлично, – говорила Зоя в трубку, украшенную стразами. – Прошло как по маслу... Ага... О боже! – она резко затормозила, так как черный «Мерседес» ослепил ее ксенонными фарами. – Ты что вытворяешь? – закричала она. –

Это встречная полоса!..

«Мерседес» перестроился на свою сторону дороги, водитель выключил дальний свет, а поравнявшись с Зоей, Тина высунулась из машины и заявила:

– Учти, подруга, ты стоишь у меня на пути, даже если едешь в другом направлении! – и рванула с места, да так, что тормоза завизжали.

– Пижонка... – усмехнулась Зоя. – Не волнуйся, – произнесла она в трубку. – Эта корова Тина выпендривается. Слушай, она так же опасна, как конфетки от кашля... Ладно, я всегда была осторожна, сейчас осторожна и в дальнейшем буду осторожна. Не нервничай. Главное, наша девочка довольна и счастлива. И почти влюблена... О боже, я знала, что ты придерешься к «почти»! Ладно, до встречи!

Глава 4

Счастье есть! Маша просто не могла поверить, что жизнь может быть так добра к ней! Мало того, что отличный парень Артем позвонил ей и пригласил на ужин в «Мазонкафе» – на второй этаж, на веранду, так еще и отозвались потенциальные работодатели! Причем не какие-нибудь там, а самые лучшие! После обеда она наконец вошла в личную почту и обнаружила уведомление от «Би-би Анд Уай» – ну очень солидной рекламной конторы – о том, что ее резюме произвело хорошее впечатление и ее приглашают на встречу.

Где-то там, за окном «Алферова и партнеров» возник мир: она, Маша, на «Мерседесе»-«лягухе» элегантно темно-синего цвета подъезжает к современному офисному зданию, выходит из машины, одергивает платье от «Карен Миллен», топает по мостовой каблуками от «Вичини» – все, как положено, танкетка, совмещенная с платформой, – поднимается в свой прохладный кабинет, наливает настоящий, из кофеварки, кофе и принимается творить...

На безликий адрес info@bbandy.com Маша отправила сдержанное письмо, подтверждающее готовность к личному контакту, получила от того же абонента координаты, закрыла почту и отправила Ксюше по АйСиКью приглашение пообедать где-нибудь вне офиса.

Это было так приятно – обедать в кафе, на людном Куз-

нецком Мосту! Одно «но» – к концу месяца деньги заканчивались, и приходилось есть в столовке – очень приличном заведении, единственным недостатком которого были коллеги, жаждавшие сенсаций, и запрет на курение.

Куращая Маша с восторгом вспоминала, как однажды к ним в субботу по делу завалилась группировка «Комедии-Клуб» – все с похмелья, все такие несвежие, помятые – непривычно было видеть в офисе людей с откровенно серыми лицами, и уж как они начали курить, и как сирена стала орать, и как всем было на это наплевать, и охрана не могла взять в толк, что с ними со всеми делать...

Конечно, курить – плохо, и даже вредно, но почему, если в компании из десяти человек один не курит, то этот один обязательно скажет, что у него аллергическая (на никотин) астма, и всем станет стыдно, и настроение будет уже не то? И почему, если владелец офисного здания – он же женатый любовник Лены Алферовой, недавно бросил курить, все теперь должны не курить? А вот если этот любовник-владелец едет на вручение каких-нибудь там кинопремий, и там все курят (а там все курят!), что, его охрана отстреливает курильщиков? Можно подумать, у Абдулова вырвут сигарету изо рта?

«Немедленно валим отсюда! Сил моих нету!» – пришло сообщение от Ксюши. Маша кинула в сумку телефон, выключила компьютер, буркнула: «Я обедать» и быстро слиняла из офиса, чтобы за ней не увязалась Оксана, которая испортит всю малину нытьем о недостатках своего бойфренда

или кто он там ей, или Анжела, которая вечно от чего-нибудь умирает – то у нее язва желудка, то стенокардия, то менингит...

Ксюша и Маша вылетели из офиса, забежали за угол и вдохнули теплый весенний воздух. На улице было так приятно, что в помещение не хотелось – несмотря на довольно сильный ветер, они устроились за столиками на улице, заказали суп и горячее, а Ксюша даже предложила выпить вина – по одному бокалу.

– Слушай, только честно, тебе нравится Анжелина Джоли? – спросила Ксюша, посыпая черный хлеб солью.

– Как мне может нравиться самая красивая и успешная женщина в мире, которая жертвует треть заработка на благотворительность и встречается с Бредом Питтом? – усмехнулась Маша. – Я ее ненавижу!

– О'кей... – Ксюша вроде осталась довольна ответом. – А Бред Питт тебе нравится?

– Уже нет, – вздохнула Маша. – До «Мистера и Миссис Смит» – да, безусловно, но после развода с Дженифер в нем не осталось ничего человеческого. Он бог, колосс, картина в Третьяковской галерее. К тому же он похож на всех девушек, с которыми встречается, – ты же обратила внимание, что сейчас он брюнет?

– А кто тебе нравится? – увлеклась Ксюша.

– Джош Хартнетт, но только в «Факультете»... Ну и... – Маша серьезно задумалась. – Слушай, а тебе не кажется, что

с секс-символами какой-то абзац? Что-то я ни одного нормального мужика не могу вспомнить, кроме Пола Беттани – и то он на любителя... Не можем же мы всерьез рассматривать кандидатуру Джейка Джилленхола?

– Не, не можем... – Ксюша замахала руками. – Ни в коем случае! Лучше будем Рому Зверя рассматривать!

– Да! Или Стаса Пьеху!

– Слушай, а если бы ты сама была кинозвездой, ты бы как жила? – с таким серьезным видом спросила Ксюша, словно обсуждала наличие в Иране ядерного оружия, а также варианты мирного урегулирования конфликта без силового вмешательства США.

– Ой... – Маша закатила глаза. – Да, кстати, какой звездой – нашей или американской?

– И нашей, и голливудской, – уточнила Ксюша.

– Ну, я бы обязательно основала свою модную марку – только не такую отстойную, как у Милы Йовович...

– Да уж, это просто крах великой иллюзии! – отчаянно закивала Ксюша.

– Ну, открыла бы свой ресторан – это был бы недорогой, но классный ресторан русской кухни, по ценам – как «Якитория», но только без дурацкого русского колорита, никаких национальных костюмов, никаких красных скатертей... С перспективой развития в сеть ресторанов. Купила бы домик во Франции рядом с Джонни Деппом и Ванессой Паради и ходила бы к ним в гости в шлепках и шортах. А зимой

жила бы в Лондоне, на втором этаже двухэтажного дома где-нибудь в Сохо. Вот. Такие у меня скромные планы.

Они еще поблаженствовали минут двадцать, запили вино эспresso, после чего Ксюша поспешила в офис, а Маша соврала, будто ей срочно нужно купить летние туфли, и пошла в сторону магазина. Для достоверности она даже зашла в магазин, позвонила оттуда на работу и, чертыхаясь, сообщила, что звонили от сотового оператора – их не устраивает макет рекламы, они требуют личной встречи, и она, Маша, едет прикрывать собой брешь. После чего Маша позвонила девушке из рекламного отдела сотового оператора, с которой успела подружиться, объяснила, что она «сейчас у них» – часов до пяти, вышла из магазина и пошла к метро. От Лубянки до Комсомольской проще было добраться на метро – чтобы на работе не слишком волновались, если она застрянет в пробке.

Спустя четверть часа Маша шла вниз, к Каланчевке, где возвышался здоровенный офисный центр, в котором целый этаж занимала «Би-би Анд Уай». Прямо из лифта Маша попала в просторный холл, в котором располагалась широченная стойка с тремя секретаршами: пиджачки, джинсики, туфли на небольшом каблуке, хорошие стрижки – а также несколько кожаных диванов, кресел и стеклянных журнальных столов – что-то вроде зала ожидания. В специальных стойках лежали журналы и газеты – и не за декабрь 2003 года, как это принято в приемных, а самая последняя пресса.

Предупредительная секретарша с длинной челкой мгновенно сделала Маше кофе, положила на тарелочку шоколадных конфет «Линдт», два крошечных пирожных, сливки и сахар, и только Маша доела последнюю конфету, ее пригласили.

Маша особенно не волновалась – она была уверена, что с ней будет общаться эдакая среднестатистическая девушка из отдела кадров: шифоновая блузка в цветочек, строгая юбка – обычно серая, простые, но качественные туфли на шпильке... Чем вас не устраивает текущее место работы? Сколько бы вы хотели зарабатывать? Что вы знаете о нашей компании? Почему обратились к нам?

Но ЭТОГО она не ожидала. Во-первых, ее провели не в отдел кадров, а в самый дальний кабинет, на двери которого не было ни номера комнаты, ни другой таблички. За дверью оказалась еще одна приемная – с окном до пола, с белым ковром на весь пол, белыми стенами и белыми шкафами, с белой глянцевой стойкой, за которой сидела рыжеволосая девица в белой водолазке без рукавов, и, как выяснилось позже, белых джинсах. Все белое. На стенах же висели черно-белые фотографии знаменитостей 50-х: Мэрилин Монро, Марлен Дитрих, Одри Хепберн... Секретарша вся-в-белом проводила Машу до вторых дверей, постучала, придержала створку, и за огромным белым столом Маша увидела... девицу из бара.

– Добрый день, меня зовут Тина, – не вставая с кресла, разумеется, белого, представилась та.

От обилия всех оттенков белого у Маши разбежались глаза – было такое ощущение, словно они находятся в спальне. Возможно, это был именно тот эффект, которого добивалась Тина, – во всем окружающем было нечто интимное, на широких диванах хотелось валяться, желательно без трусов, а на сверкающем столе – заниматься чем-нибудь неприличным.

Тина тем временем, нахмурившись, рассматривала Машу. – У меня такое впечатление, что мы знакомы, – заявила она.

Сказать – не сказать?

– Я видела вас в «Маккафе», – призналась Маша и подумала: «Интересно, что такая шикарная девица делала в „Маккафе“?»

На Тине были стильные черные брюки, умопомрачительный хипповый пиджак – весь в каких-то тесемках, и роскошные туфли. Все черное.

– Простите, не помню... – Тина развела руками. – Ну, ладно... Главное, что меня заинтересовало ваше резюме. У нас как раз есть вакансия креативного менеджера, так что если вы пройдете тест, я вас возьму на испытательный срок с зарплатой в две тысячи долларов.

Маша постаралась сдержаться, чтобы не открыть рот.

– А после испытательного срока какая зарплата? – строго поинтересовалась она.

– Две с половиной, потом три, плюс премии, – спокой-

но ответила Тина, словно в любой уважающей себя компании рядовым «креативным менеджерам» платили три тысячи баксов.

Маша все-таки удержалась и не бросилась облизывать Тине ноги с воплями: «Возьмите меня прямо сейчас! Я согласна работать два испытательных срока подряд – первый месяц за тысячу долларов!»

– Давайте я вам покажу офис, – сказала Тина. – Мы работаем и с пиаром, и с рекламой. Также мы организуем праздники, презентации, и вот как раз на презентации я бы и хотела вас бросить. Здесь – рекламный отдел, – Тина открыла стеклянную дверь в большую комнату, где сидели шесть девушек.

В комнате, в противовес кабинету Тины, не было ничего белого: светло-зеленые стены, столы светлого дерева, обыкновенные серые офисные кресла и просто невозможное количество всяческой ерундистики – картинки, коврики, фотографии, различные лампы, мягкие игрушки, цветы – в горшках и вазах... У Маши зарябило в глазах. Заметив Тину, девушки лишь кивнули, но дела свои не прекратили – даже полная шатенка, которая пила чай с пончиками. Обычно, когда к своим сотрудникам заходила Лена, еду, косметику, личные записные книжки прятали в стол и дружно, как зомби, смотрели на начальницу. Самые беспринципные заискивающе улыбались.

Но здешние девицы лишь с ног до головы осмотрели Ма-

шу – впрочем, вполне дружелюбно, и вернулись к делам, не обращая внимания на начальницу. В том, что Тина – самая главная здесь начальница, Маша не сомневалась. Такой кабинет, отдельная секретарша... Они прошли дальше, и Тина показала Маше другой офис – как выяснилось, творческий отдел, где сидели три девушки и четыре молодых человека. Они миновали еще несколько дверей, а потом Тина открыла ключом одну комнату и сказала:

– А вот твой кабинет.

И тут Маша не выдержала. С каким-то утробным звуком она зашла в кабинет, потрогала стол, стул, ахнула, оглянулась на Тину и промямлила что-то вроде:

– Вот это да...

Большой кабинет, метров двадцать, заливал солнечный свет – одна стена была стеклянной, и там было все: удобный красивый офис, диван для гостей, мини-бар, картины, шкаф для одежды...

– Ничего себе! – выдохнула Маша.

– Ну, только не думайте, что я такая добрая мамочка, которая заботится о сотрудниках. Я мегера, фурия и страшная стерва, а все это... – Тина взмахнула рукой. – Для клиентов. К сотрудникам я беспощадна и выжимаю из них все соки. Это вам на будущее. В общем, пойдемте, я отдам вам тест – если пройдете, будете заниматься этими проектами.

Тина вручила Маше папку с отксеренными бумагами – в метро, по дороге обратно, Маша обнаружила, что один кли-

ент хочет с шиком отпраздновать десятилетие завода по производству пластиковых плечиков для одежды, а второй собирается вывести на рынок новую марку русской косметики. Спрятав папку поглубже в сумку, Маша чуть не умерла, вспомнив, что сегодня у нее свидание с Артемом. Не может быть у человека столько счастья!

На работе Маша с трудом высидела до шести, ровно в восемнадцать ноль-ноль сорвалась с места, первый раз в жизни гнала до дома, не обращая внимания на правила дорожного движения, – даже проехала по разделительной полосе, отчего почувствовала себя преступницей международного уровня, взлетела на шестой этаж, захлопнула дверь и прямо в коридоре сорвала с себя одежду. Волосы на ногах – срочно брить, брови – выщипывать, ногти – перекрашивать... Интересно, за час она успеет накачать пресс так, чтобы было как у Ферджи? Черт, ну почему нет скорой косметической помощи – приезжает бригада, и минут за сорок делают всю эту грязную работу: эпиляцию, пилинг, укладку... С чего начать? Если бриться эпилятором, не успеешь с укладкой, если не уложить волосы, станешь похожа на веник... И вообще, почему она всегда знакомится с мужчиной, когда у нее кошмар на линии бикини?

Наконец чистая, гладкая, покрашенная, с красивой прической, Маша вышла из ванной, вытащила из шкафа любимые джинсы и к невыразимому ужасу заметила, что задница у нее по форме напоминает чемодан. Откуда, о боже, от-

куда все это взялось? Разве можно с такой задницей идти на свидание?! Маша отшвырнула джинсы, порылась в гардеробе, выудила летящую шелковую юбку, но ей показалась, что в этой юбке она похожа на стог сена – что, кстати, не лишает публику возможности любоваться ее беспрецедентной задницей-чемоданом. Перерыв все вещи, Маша вернулась к джинсам, которые дополнила супершпильками – единственной моделью, которая была куплена просто так, потому что «должна это купить». Туфли были невероятной красоты, но ходить на них не было никакой возможности – Маша шаталась, держалась за стенку и думала лишь об одном – о кроссовках. Зато на шпильках она выглядела стройной. Дополнив наряд полосатым свитером от «Сони Рикель» с большим вырезом и свободными рукавами три четверти, Маша почувствовала, что вот теперь не стыдно появиться в обществе Ферджи или Джей Ло, нанесла еще один слой блеска на губы, села на диван, включила телик и тупо уставилась на экран, совершенно не понимая, что там, на МТВ происходит.

В восемь он позвонил. Маша подхватила сумку – у лифта заметила, что забыла телефон, вернулась, вспомнила, что не взяла денег, спустилась на первый этаж, хлопнула себя по лбу и поднялась обратно, так как оставила косметичку в ванной, улыбнулась отражению в зеркале самой сексапильной улыбкой, которая отчего-то выглядела, как гримаса боли, и наконец вышла на улицу.

Артем ждал у машины. Он даже предупредительно от-

крыл дверцу, подал руку – вел себя галантно и вообще выглядел как конфетка – классные джинсы, классная куртка, классная майка, просто невероятно стильные кроссовки... Но без излишнего лоска – нормальный парень, даже немного лохматый.

– Ты в курсе, что Тони Блер уходит в отставку? – спросил он.

Маша с подозрением покосилась на него. Он ведь должен был сказать, что собирается в кругосветное путешествие: начнет с Бразилии, где кокаин стоит десять долларов, Мисс Бразилия – двадцать, номер люкс с лучшим видом – тридцать; дальше отправится в Австралию; потом в ЮАР... То есть она думала, что он должен говорить о подобных вещах – вести яркую, насыщенную увлекательными подробностями, но в то же время легкую светскую беседу... Она дура? Или его правда интересует отставка Тони Блера?

– Нечего было ввязываться в колонизацию Ирака, – сказала она. – Да и вообще, по-моему, мода на президентов, с которыми некоторая часть электората может представить себя в одной постели, – прошла. Президент должен быть старым, несимпатичным и думать только о благе страны и о своих внуках! – Артем кивнул.

Они обсудили Тони Блера. Люка Бессона и его фабрику дешевых, бездарных фильмов. Ходорковского. Нелегальных иммигрантов. Перспективу падения астероида на Землю.

Маша чувствовала себя человеком, которого долго дер-

жали в душевной комнате, а потом выпустили на улицу, где только что прошел дождь и пахло листвой, сиренью, прохладой... Красивый, небедный, умный... Может, он ненастоящий? Может, это инопланетянин?

Маше захотелось до него дотронуться, чтобы убедиться – Артем живой и теплый, и он ей не снится.

Она вспомнила Диму, который в свободное от секса время мог говорить только о групповом сексе и о фальшивых джинсах «Дискейрд». Он был очень красивым и модным, но такого тупицу она больше в своей жизни не встречала – и это при том, что у Димы был какой-то там успешный бизнес. В смысле группового секса он был полным психом – все время бубнил о подружках с шестым размером груди, которые бы с удовольствием к ним присоединились. Или распикировал, какой суперсамец один его друг, что женщины от него без ума и все такое. Когда Дима стал уж слишком настойчивым, Маша заявила, что, к сожалению, занимается интеллектуальным трудом – то есть работает головой, так что без ума ей оставаться никак нельзя, и больше с ним не встречалась. Правда, он, конечно, был очень красивый.

Но сейчас Маша сидела рядом с Артемом, и ей казалось, что все годы разочарований куда-то подевались и она вернулась туда, где все начиналось – первая любовь, первый поцелуй, обжимания под аккомпанемент группы «Дорз». Или «Кьюр». Или «Куин». И первый секс – такой странный и волнительный. Секс, сигарета, странная мансарда ее первого

бойфренда – без ванной, ванная была одна на этаж, какой-то дурацкий коньяк, который везли из Грузии в канистре, – он того не стоил, ощущение невозможного счастья – просто так, не из-за бойфренда, который впоследствии оказался жуткой сволочью, ощущение себя взрослой и ощущение дикого восторга от жизни – оттого, что этот мир есть, и что этот мир – твой.

Глава 5

Артем притащил ее в «Бульвар», где уже сидела компания: люди самого разного возраста – от шестнадцати до пятидесяти. Две школьницы-акселератки все-в-блестках, юноша с внешностью закоренелого ботаника – он был с тремя странными женщинами, которые выглядели как проститутки (у них юбки были из латекса!), но держались дамы так, словно спустились с Голливудских холмов – ни дать ни взять суперзвезды. В свите ботаника был и мужчина лет пятидесяти – крупный, видный, в шикарном кожаном пиджаке, в ботинках с ручной росписью. Кроме этих типов было еще несколько приятных молодых людей – Маша узнала известного оператора, джазовую певицу и кавээнщика.

Они пригласили их за свой столик – Артем согласился не очень охотно и сел на отшибе.

Он ей всех представил, но Маша тут же запуталась в именах – запомнила только, что мужчину лет пятидесяти звали Дато, а одну из школьниц – самую блестящую – Евой.

– Боря собирается снимать «Мцыри», – сообщил «ботаник».

Только Маша успела подумать, что этот Боря, видимо, идеалист, как одна женщина в латексной юбке заявила:

– У меня главная роль!

Маше так и не удалось вспомнить, кто там в «Мцыри»

подходит на главную женскую роль и где она могла раньше видеть эту... гм... актрису, но Артем наклонился и прошептал ей на ухо:

– Они снимаются в порно.

– В чем?! – Маша подпрыгнула на диване.

– В порнофильмах. Это такие фильмы для достигших совершеннолетия, где все занимаются сексом, – пояснил он.

– То есть это настоящие порноактрисы? – Маша вцепилась ему в руку. – Которые трахаются с десятью партнерами в течение полутора часов? Ты это имеешь в виду?

– Ага, – кивнул тот.

– Ничего себе! А как они сюда попали?

– Шурик привел, – Артем кивнул на ботаника. – Шурик – сын N... – Артем назвал настолько известного и важного политика, что у Маши глаза на лоб полезли. – И он увлекается порнушкой. Зависает в Питере, на студиях, знает всех актрис по именам.

– А это нормально? – выдавила она из себя. – То есть все в курсе?

– Не все такие чудачки, как Шурик, – перебил ее Артем.

– Слушай, а это кто такой? – Маша скосила глаза на Дато.

– Преступный авторитет, – прошептал Артем.

– То есть? – ахнула Маша.

– Ну... Шикарный тип, – усмехнулся Артем и придвинулся так близко, что их руки соприкасались, ноги соприкасались, и все это было так интимно, что Маше уже плевать бы-

ло и на Дато, и на порнозвезд, и на все остальное.

– Дато – выдающаяся личность, – повторился Артем. – Он пишет стихи, опубликовал три романа, сейчас ставит фильм по собственному сценарию, и еще картины рисует. Он в Грузии был одним из самых мощных авторитетов, но ни разу не сидел, а чем он теперь занимается, точно не скажу. Думаю, все тем же.

– А фильм – порнография? – догадалась Маша.

– Нет, про любовь, – Артем покачал головой. – И про гангстеров. Что-то между Гаем Ритчи и Георгием Данелия.

– Ого-го! – произнесла Маша и неожиданно развеселилась.

Круто! Гангстер, который пишет стихи, звезды порно, дети политиков – что за прелесть! Колоритные у Артема друзья, ничего не скажешь.

– Слушай, давай пересядем... – шепнул Артем.

Они извинились, попросили официанта найти им столик – к большому облегчению Маши их усадили далеко от веселой компании звезд порно и преступных авторитетов.

– Это твои друзья? – с осуждением спросила Маша.

– А ты как думаешь?

– Слушай, ты мой... ухажер, а не психотерапевт, – нахмурилась Маша. – Поэтому давай не будем играть в ассоциации, а начнем ясно и доступно отвечать на вопросы.

– Я с ними знаком, – кивнул Артем. – Все они довольно забавные, и если честно, мне интересно посмотреть на жи-

вую звезду порно и на гангстера, который пишет талантливые стихи.

– Талантливые? – удивилась Маша.

– Очень талантливые. Мне иногда кажется, что в наши дни только бандиты могут себе позволить такую роскошь – писать стихи. Деньги у них есть, время тоже... Так что, Маша, это – не мои друзья, но мне интересно с ними общаться.

– Понятно, – согласилась Маша. Если честно, ей тоже было интересно полюбоваться на настоящую звезду порноиндустрии.

– А может, покатаемся на мотоцикле? – оживился Артем, когда они расправились с десертом.

– А-а... – задумалась Маша. – Ну... Давай!

Машу никогда особенно не привлекали всякие там экстримы – гонки на машинах, на мотоциклах, прыжки с парашютом, но сейчас отчего-то захотелось новых ощущений. Они заехали к ней – Маша взяла кроссовки и куртку, потом в гараж – Артем выгнал на улицу шикарный красно-черно-желтый спортивный байк, нацепил на Машу шлем и погнал на Воробьевы горы. По проспекту они ехали медленно, но стоило свернуть к Смотровой, Артем поддал газу, и Машу отбросило назад. Она чудом удержалась, сильно сжала пальцы и почувствовала, что летит. Невозможно было представить, что они едут – мотоцикл, казалось, не касался земли, а деревья и тротуары неслись мимо на такой скорости, что сливались в какую-то серо-зеленую кашу. Стоило поше-

велить головой, и тебя отбрасывало назад – поэтому Маша просто вцепилась в Артема, прижалась к нему – трудно поверить, но в этом не было ничего сексуального, просто инстинкт самосохранения. Но когда он затормозил, остановился, выкинул подножку, снял шлем и обернулся к ней, Маша поняла, что хочет еще.

– Ух ты! Класс! – воскликнула она. – А можно так же, но помедленнее, а то я второго сердечного приступа не переживу!

Артем ухмыльнулся и посмотрел на нее... словом, так, как мужчина смотрит на женщину. Маша собиралась еще что-то сказать, но передумала – и без слов все было ясно. Это была такая связь, которая либо возникает сразу – либо не возникает никогда: когда в глазах другого человека ты видишь отражение собственных мыслей. Артем протянул руку, Маша сделала шаг вперед, положила ладонь ему на щеку – его рука уже была у нее на талии, и он коснулся ее губ своими. Не поцеловал – просто коснулся.

– Да у меня от него ребенок! – Смотровую потряс истощенный женский вопль.

– Это у меня от него ребенок, я его жена! – кричала другая.

Маша с Артемом обернулись и уставились на двух девушек: одна была низенькая, с короткими ножками, в дешевой розовой куртке и светло-голубых джинсах, вторая – среднего роста, стройная блондинка, в красных сапогах на шпильках.

Обе девицы были пьяны.

– Я те сказала, чтоб ты больше к нему не подходила, у нас семья! – орала та, что в красных сапогах.

– Да он только меня любит! – разорялась вторая.

Артем усмехнулся.

– Та, которая в розовом, – Катастрофа, – сообщил он.

– В переносном смысле? – спросила Маша.

– Если бы! То она тут ходит с бритвой и говорит, чтобы Алексу передали, что она из-за него вены режет, то она из-за Юстаса с фуникулера бросается – кстати, реально выпала, только с маленькой высоты, то носится и заедает феназепам водкой... А теперь вот на Тайсона кидается.

– А эта кто, вторая? – Маша показала на блондинку.

– Ну, не знаю, какая-то девушка, – Артем пожал плечами.

– Слушай, да они настоящие ночные волки! – расхохоталась Маша. – Рок-н-ролл жив!

– Да ну... – поморщился Артем. – Тайсон на всю голову двинутый: звонит ему девушка, он срывается, едет спариваться, возвращается, еще какую-то бабу клеит, везет к себе домой, возвращается, едет в «Секстон», снимает там новую, опять к себе везет... Может за ночь с тремя разными женщинами.

– Фу-у... – поморщилась Маша. – Романтический флер развеялся. Это не рок-н-ролл, это какой-то... жлоб-рок.

– Каждый сходит с ума по-своему... – с несколько отстраненным видом сообщил Артем – так обычно делают мужчи-

ны, когда понимают, что унизились до сплетен.

– Слушай, что-то холодно... – поежилась Маша.

– Домой? – оживился Артем.

– Хочешь чаю? – предложила Маша, когда они остановились у подъезда.

– С удовольствием! – Артем снял перчатки и подул на замерзшие руки.

Когда они вошли в квартиру и в коридоре оказалось два шлема, мотоциклетная куртка и ботинки, у Маши в душе что-то екнуло. Перед глазами вдруг всплыла картина: в ее дивной холостяцкой квартире валяются все эти устройства для компьютерных игр, в белье попадают мужские трусы, в коридоре – завал из покрышек и прочей байкерской дури... И эти мысли трудно было назвать приятными.

Пока Маша ставила чайник, думала: а может, все эти ее страдания и разочарования – всего лишь игра, или просто это общество давит и прямо-таки вынуждает переживать, если у тебя нет мужчины? Может, у нее все никак не складывается потому, что она и не хочет, чтобы сложилось? Или она просто тот самый анекдотичный старый холостяк, который вызывает «Скорую помощь», обнаружив женскую помаду у себя в ванной?

Ну, какие у нас главные страшилки?

1. Когда она, Маша, будет совсем старой, то некому будет вызвать неотложку, и потом, когда сердобольная соседка приведет милицию, все будут ее жалеть и, утирая слезу, шеп-

таться, что она еще часа два была жива – и если бы кто-то был с ней рядом... **ОПРОВЕРЖЕНИЕ:** Если она всю жизнь посвятит карьере, а не семье, то у нее будут средства нанять сиделку. К тому же она может родить детей – с мужем или без, и они будут о ней заботиться.

2. После сорока пяти никто не захочет иметь с ней секс – кроме мужа. **ОПРОВЕРЖЕНИЕ:** Шерон Стоун.

3. Если она заболит ангиной и у нее будет высокая температура, некому будет сгонять в аптеку и пожалеть ее, бедненькую-несчастную. **ОПРОВЕРЖЕНИЕ:** По сведениям от замужних подруг, мужчины ненавидят болеющих женщин. Да, они могут сходить в аптеку, но кормить вас с ложки кашкой они не то что не будут, они еще и начнут упрекать вас в том, что вы капризничаете, – независимо от того, какая у вас температура.

4. Трудности легче переживать вдвоем. **ОПРОВЕРЖЕНИЕ:** Все правильно, но лишь в том случае, если трудности у обоих. Если же проблемы у одного, то другой, у которого все хорошо, начинает этими трудностями тяготиться.

Так что еще непонятно, лучше – жить одной или иметь друга.

– Помочь? – спросил Артем и встал у нее за спиной – очень близко.

Маша отставила чашку. Повернулась к нему. Некоторое время они смотрели друг на друга, а потом как-то сразу оказались на матрасе – Маша не поняла как, только помнила,

что они не прекращали целоваться. Сначала они освободились от верха – он, полуголый, лежал на ней, и ей казалось, что это уже и есть секс – даже, может, лучше секса, потому что кожа у него была такая бархатистая, такая горячая, а губы – удивительно крепкие, и руки – теплые и уверенные, и настойчивые... Он содрал с нее джинсы, потом снял свои – и на нем не было трусов, и это было просто восхитительно – чувствовать его без одежды, целиком, от макушки до кончиков пальцев. Но когда он целовал ее живот, Маша поняла, что не выдержит больше ни секунды прелюдий – отчего-то все мужчины считают, что женщин надо довести до бешенства, иначе у них не будет оргазма, или будет фиктивный – хотя мужчинам, наверное, в этом смысле довольно трудно – на глазок не определишь, можно только верить – или не верить...

Вот она, истина – отношения женщины к мужчине строятся на фактах, а мужчины к женщине – на доверии... И когда он вошел в нее, Маша решила, что она – нимфоманка, у нее даже было нечто вроде судороги (хочется надеяться, что он не заметил), потому что это было настолько прекрасно, настолько чувственно, что она улетела, и потом ей казалось, что тело у нее легкое, как сахарная вата – она даже чувствовала запах жженого сахара – так ей казалось, и пока он не вернулся со стаканом воды и не спросил, хочет ли она пить, Маша не возвращалась на землю.

Посмотрев на него мутным и немного косым взглядом –

вот он, признак, мужчины – внимайте: женщины после настоящего оргазма начинают косить (Маша это проверила на многих подругах – еще с тех пор, когда чьи-то родители уезжали на дачу, и в трехкомнатных квартирах две комнаты были заняты парочками). А может, косят только ведьмы? – Маша взяла стакан, выпила половину и присела на матрас. Артем лег рядом, обнял ее, прижал к себе, и Маша поняла, почему девушки взахлеб расписывают постоянные отношения – из-за того, что можно вот так прижаться и почувствовать, как на душе становится тепло.

– Артем, ты останешься? – спросила она.

– Называй меня Темой, – сказал он. Те друзья, которые из «Бульвара», называли его Тим, но Машу это бесило. – Конечно, останусь.

Часов до пяти они так и не заснули – не только из-за секса: они трепались, даже с закрытыми глазами – когда уже не было сил разлеплять веки, и, кажется, так и отключились – на полуслове.

– Маш, Ма-аш... У тебя будильник орет! – Тема тормозил ее, а она никак не могла сообразить – что он к ней прицепился. – Тебе надо куда-то идти, или выключить его?

Маша с трудом поняла, что будильник звонит потому, что ей надо на работу, с нечеловеческим трудом оторвалась от кровати, но выяснилось, что сексуальная жизнь бодрит – после умывания Маша почувствовала себя на удивление свежей и бодрой. Она даже успела погладить юбку и съесть бу-

терброд, который намазал Артем.

На работе она весь день переписывалась с Ксюшей, в обеденный перерыв купила новые босоножки – черные, с черными же камушками, два топа, бусы, браслет и боди со стрингами – очень сексуальные (и очень дорогие), и только к вечеру поняла, что на ее совести – два проекта для «Би-би Анд Уай». Пораньше отпросившись с работы (пришлось устроить драматическое представление с резкой зубной болью), Маша поспешила домой, скинула со стола журналы, фантики, косметику и прочую ерунду, открыла папки и сразу же поняла, что нужно делать. Она весь вечер писала – даже Артема отложила на завтра, – искала в Интернете фотографии и чуть было не позвонила Тине в два часа ночи – сообщить, что готова к отчету.

Начальнику вешалок Маша сочинила вечеринку в стиле «Плейбоя» – куча девушек в мини-шортах и лифчиках, стриптиз, Трахтенберг, «Виа Гра» – чтобы и красиво, и весело, и немного скандально. В общем, чтобы весь городок-фабрикант из Подмосковья – стоял на ушах.

Русской косметике Маша предложила заливчатскую идею с Жанной Фриске в качестве лица под лозунгом «Хочешь быть красивой? Оставайся собой!» – с акцентом на том, что у Фриске куча морщин, но она – секс-символ. Тут вопрос – захочет ли Фриске, но, с другой стороны, почему бы ей не захотеть?

Это была классная, увлекательная работа! Маша в первый

раз за долгое время ощущала подъем, возбуждение и стремление показать себя во всей красе. Она переслала проект Тине – и тут же испугалась, что чего-то наверняка недоделала, что не могла она за ночь придумать то, что можно продать, что идея с «Плейбоем» – бред, а русская косметика, разумеется, пожелает отретушировать актрису лет сорока, которая будет талдычить о том, что с первого же дня употребления какого-нибудь там крема помолодела на десять лет.

Н-да... Машу охватил мандраж, и она заметалась по квартире: помыла посуду, вытерла пыль на полках, накрасила ногти, смазала ногти, снова накрасила, и только часа в четыре попробовала заснуть – но, как и следовало ожидать, ничего не получилось. Подушка – слишком твердая, матрас – весь в крошках, одеяло – скользкое, за окном – назойливый шум, в комнате душно... Кое-как успокоившись, Маша часа через полтора заснула, а в итоге проснулась в полдень под очередное (как выяснилось – пятое) сообщение от Оксаны, которая интересовалась, почему Маши до сих пор нет в офисе. С трудом преодолев соблазн наврать, что заболела – все равно бы никто не поверил, так как больные звонят вечером, когда у них поднимается температура, Маша усилием воли позвонила на работу и честно призналась, что проспала. Без кофе, без душа и даже не причесавшись, ворвалась в офис, моля бога, чтобы Лены не было на работе. Но Лена была, и даже интересовалась, где пропадают сотрудники. Все это окончательно испортило Маше настроение. Мало того, Лена

вызвала Машу на ковер.

– Что случилось? – спросила начальница.

– Лена, извините, я проспала, – произнесла Маша так, чтобы чувствовались ее искренние сожаления по этому поводу.

– Вы считаете это уважительной причиной? – холодно поинтересовалась начальница.

– Конечно, нет, но просто я не вижу смысла врать, – отрезала Маша.

– Знаете, мне не нравится, когда сотрудники проявляют такое откровенное безразличие к своим обязанностям, – процедила Лена.

О боже... Это что – раздача слонов?

– Лена, послушайте, мне очень неудобно за то, что я опоздала, но ничего не могу с этим поделать – я честно сказала, что проспала, могу загладить вину – взять работу на дом, оштрафуйте меня, в конце концов, но это же случилось всего один раз...

– Нет, дорогая моя, не первый! – оживилась Лена.

– То есть... – опешила Маша.

– В прошлом месяце вы пришли позже на четверть часа, а два месяца назад опоздали на десять минут, – не скрывая злорадства, сообщила Лена.

– И что? – тупо спросила Маша.

– То, что... – начала было Лена, но Маша не удержалась и перебила ее:

– Лен, в чем дело? Я плохо работаю?

– Мы с вами беседовали на прошлой неделе...

– Лена, но я ведь нормально работаю! – воскликнула Маша. – Клиенты довольны, я все успеваю!.. В чем суть? Я вам не нравлюсь?

Лена поджала губы.

– У вас вычтут из зарплаты из расчета один доллар за минуту опоздания, – отчеканила Лена и уткнулась в бумаги.

«Вот стерва!» – бесилась Маша, которая не знала, что делать – то ли крушить все на своем пути, то ли закрыться в туалете и разреветься. Ей хотелось уволиться прямо сейчас – вернуться к Лене и сказать, что ее пригласили в «Би-би Анд Уай», где Машу почему-то считают талантливым профессионалом, а не бездарной ослицей – она же козел отпущения.

Чего она к ней привязалась? А?

Ну, хорошо, вот уволится Маша прямо сейчас... Допустим, не умрет с голоду, придется мыть голову шампунем «Земляничка» или хозяйственным мылом «Дуру», но что, она вот так возьмет и сдастся? А Лена так просто от нее избавится?

– Слушай, она элементарно к тебе цепляется, – утешала Ксюша за внеплановой чашкой кофе.

Маше уже было наплевать – вычтут у нее лишних тридцать долларов за исчезновение на полчаса – лишь бы не торчать сейчас за столом в окружении заинтересованных коллег.

– Она не просто ко мне цепляется! – воскликнула Маша, очень сожалевшая, что в кофе нет коньяка. – Она меня достала! Почему? Ты мне можешь объяснить?

– Потому что ты можешь спросить: «Я вам не нравлюсь?»
– Ксюша всплеснула руками.

– То есть?!

– Знаешь, есть толстые белые русские женщины, которые сходят с ума от смуглых турецких мужчин. И есть русские, которые ненавидят... ну, допустим, армян. Почему? На оба вопроса ответ: потому что они другие. Ты идешь на открытый конфликт, ты – прямой человек, а Лена хочет, чтобы ты плясала под ее дудку. Она хочет, чтобы ты врала, придумывала нелепые оправдания, она хочет видеть тебя смущенной, запуганной, виноватой.

Маша задумалась.

– А зачем ей это надо? – спросила она наконец.

– Ну, может, ее мать за четверки ремнем порола... – усмехнулась Ксюша. – Понятия не имею.

– По-моему, это все чушь... – насупилась Маша.

– С твоей точки зрения – чушь, с точки зрения Лены, то, как ты себя ведешь, – чушь.

– Ксюш, мне вот сейчас очень необходимо, что ты сказала: Лена так себя ведет, потому что она – сука, а ты, Маша, цветочек, не обращай на нее внимания, ей воздастся за твои слезы, и вообще у нее усики! – воскликнула Маша.

– Лена так себя ведет, потому что она – сука, а ты, Ма-

ша, цветочек, не обращай на нее внимания, ей воздастся за твои слезы, и вообще у нее усики – но она их выщипывает в лучшем салоне красоты за бешеные деньги, – улыбнулась Ксюша.

– Ты настоящий друг! – Маша хлопнула Ксюшу по плечу, они в темпе выкурили еще по сигарете и вернулись на работу.

За день Маша побила все рекорды по обращению к почтовому ящику – три раза в минуту, но от Тины не было ни ответа ни привета. Тишина. Правда, Маша получила два приглашения на собеседование: первое от никому не известного кабельного канала на зарплату от 10 000 рублей, второе – от издательства, которое славилось тем, что принимало сотрудников на испытательный срок, по истечении которого благополучно с ними расставалось.

В унылом настроении Маша поехала домой, зашла по дороге в булочную, где продавалось страшно дорогое домашнее печенье, накупила много-много вкусностей – потратив при этом невозможно много денег, не удержалась и завернула в магазин, откуда ушла с бутылкой рома.

Глава 6

Замешав ром с колой и положив в стакан много-много льда, Маша поставила по левую сторону от ноутбука тарелку с печеньем, по правую – высокий бокал с ромом, подключилась к Интернету и с четверть часа не могла решиться проверить почту. Прочитав все новости, выяснив, что «Наташа Грановская стала проституткой» – то есть снялась в эпизодической роли путаны в новом фильме какого-то украинского режиссера, ознакомившись с книжными новинками на Озоне, протестировав состояние души по тесту Люшера и выпив коктейль, Маша все-таки вернулась на мейл. ру и открыла почту. Одно письмо! Одно новое письмо! От...

Сердце колотилось, руки заledenели – Маша поняла, что сейчас самое время выпить не рому, а валерьянки, но все-таки налила рому – в чистом виде – и открыла сообщение: «...мне очень понравились ваши идеи... замечательно... вешалки согласны... в восторге... когда вы можете выйти на работу...»

«Не может быть! – почему-то думала Маша. – Это нереально!» Она залпом опрокинула стопку рома, передернулась, воскликнула «Ух!» и быстро, пока не успела передумать, написала: «Послезавтра».

Да она всегда об этом мечтала! Просто не пойдет завтра на работу. Она ведь и так сотрудник с наименьшим коэффици-

ентом полезного действия и вопиющим отсутствием трудовой дисциплины, так что контора не пострадает, а владелица конторы будет просто счастлива. Отправив еще десять сообщений всем-всем-всем: «Я увольняюсь, так как Лена меня затерроризировала. Моя хрупкая психика не выдержала травли и беспочвенных придирок», – и Лене в том числе, Маша почувствовала себя так, будто только что открыла закон всемирного тяготения, жахнула еще рому – чтобы завтра валяться с похмельем, смотреть все сериалы по телику (даже реалити-шоу по ТНТ) и выщипывать брови.

Когда запищал домофон, Маша отчего-то решила, что это Лена уже получила письмо и лично приехала, чтобы ее побить. Но это был Артем.

– О! Приве-ет! – слишком ажитированно приветствовала его Маша. – Ты что здесь делаешь? То есть я рада... Заходи!

– Но я... – растерялся Тема, но не успел ничего сказать – Маша открыла дверь и повесила трубку.

Она зачем-то накрасила губы – причем темно-красной помадой, которой не пользовалась ни разу после того, как ей ее подарили, щедро намазалась дезодорантом – так, что майка прилипла, и поменяла телесные носки на трикотажные, цвета фуксии.

– Как я рада тебя видеть! – открыв дверь, Маша распахнула объятия и завалилась на Артема.

– Ого! – воскликнул он. – Ты что это такая веселая?

– Я... – Маша хлопнула себя в грудь. – Не веселая! Я – пьяная! В хлам!

– Так... – смутился Тема. – И что с кино?

– Какое кино? – опешила Маша.

– «Любовь и сигареты», – он, кажется, обиделся. – Маш, мы вчера вечером договорились пойти в кино.

– Ой-ой-ой! – захохала Маша. – Какая же я дура... Слушай, просто я сегодня уволилась и меня приняли на работу. То есть сначала меня приняли на работу в лучшее, в самое известное, в самое престижное рекламное агентство, а потом я уволилась по электронной почте, и у меня праздник!

– Слушай, если ты смоешь эту жуткую помаду, я съезжу за пищей, куплю какой-нибудь фильмец на DVD, и мы с тобой это отметим, – оживился Тема.

– Отлично! – Маша снова полезла целоваться, но Артем ловко от нее отделался и прикрыл за собой дверь.

Маша посмотрела на себя в зеркало – видок и правда был кошмарный: помада размазалась, глаза сбились в кучку, морда красная... Она в панике сорвала одежду, бросилась в душ, помылась, намешала соды, прочистила желудок, так яростно почистила зубы, что разодрала все десны, проглотила две шипучки алкозельцер, намазала на лицо суперкрем, за пять секунд избавляющий от усталости кожи, кругов под глазами и серого оттенка лица, причесалась, переоделась и почувствовала, что вот теперь страшно хочет спать. Возможно, и есть тоже – но спать больше. Маша прилегла на матрас, на-

крылась пледиком и поняла, что совершенно не готова к романтическому свиданию – пьяная, уставшая женщина.

Правда, ради пиццы она готова была даже на секс – вот такая она, Маша-дешевка, секс в обмен на еду. Хотя пиццу, конечно, можно заказать и по телефону, но ведь не скажешь Артему – езжай домой, он же не просто мужчина, а самый распрекрасный стильный молодой мужик, который занимается сексом так, что женщины на смертном одре вспоминают эти сладостные мгновения.

Артем приехал минут через сорок – Маша даже успела отлежаться, привез три пиццы, салат, торт, и несколько дивидишек. Уложив Машу в кровать, он выкинул мусор, помыл посуду, выключил комп, разложил пиццу по тарелкам, поставил кино, снял майку и лег рядом с ней. Некоторое время Маша жевала, но одним глазом смотрела телевизор, а другим косилась на обнаженный торс Артема, который можно было выставлять в музее как образец классического совершенства.

Отложив тарелки, он повернулся к ней, прижался всем своим голым классическим торсом и поцеловал в висок. Выяснилось, что висок – сверхэрогенная зона, обладающая уникальной чувствительностью. Маша забыла, что объелась, что хочет спать, что у нее похмелье – потянулась к нему, обняла за шею и провалилась в сладкую эротическую дрему. Она чувствовала себя любимой, сексуальной, ощущала, что ее тело полностью раскрыто, а его – так удачно ей подходит, что

совершенно не нужно напрягаться, изображать пламенную страсть... И почему-то от этих сдержанных ощущений они получали такое удовольствие, что Маша в прямом смысле поняла, что значит «снесло крышу», – она открывала глаза, но не ничего не видела, пока они не остыли и не распались снова на две половинки.

После чего Маша заснула – и даже не поняла, в какой момент. В два часа проснулась, обнаружила, что Темы нет рядом, нашла записку – «Уехал по делам. Звони, когда проснешься. Это был лучший секс в моей жизни – я вчера это уже говорил, но ты спала», поставила чайник и открыла почту. В ящике было пятнадцать сообщений – от «Сходить с ума лучше в одиночестве» до «Ура! Победа за нами!» – и ни одного от Лены, но одно, обеспокоенное, от Ксюши: «Ты здорова? К тебе заехать? Что случилось? Что будешь делать?» Маша подумала и ответила: «Приезжай. Все отлично. Буду мыться и гладить шмотки».

Ксюша примчалась сразу же после работы и обнаружила сияющую, свеженькую, с идеальной укладкой Машу, которая разбирала вещи в шкафу.

– Ну? – с тревожными интонациями спросила Ксюша.

– Ну, во-первых, у меня новая работа! – торжественно объявила Маша. – «Би-би Анд Уай», креативный менеджер, зарплата – треха!

У Ксюши отвисла челюсть.

– Свой кабинет – метров двадцать, форма одежды – сво-

бодная, начальница – прелесть!

– Ух ты... – пробормотала Ксюша. – Круто как...

Маше этого не хотелось. Ей даже было стыдно. Но поневоле эти мысли как-то сами по себе пролезли в голову и, кажется, прочно там обосновались – как цыганский табор. Маша думала, хоть и без особого вдохновения, о том, какая она, Маша, молодец, как здорово быть такой решительной, смелой, отчаянной и талантливой. В отличие от... Ксюши. Маше было стыдно вдвойне – Ксюша искренне за нее радовалась, без малейших признаков несуществующей в природе «белой» зависти – видимо, так люди пытались обозначить чувство зависти, при котором ты, конечно, не рад, что у другого все лучше, чем у тебя, но все-таки не желаешь ему смерти.

– Как только будет вакансия – свистни... – говорила Ксюша, но Маша уже представляла новый рабочий день на новом месте, первую зарплату, с которой обязательно купит стильные белые сабо, новую шикарную жизнь креативного менеджера в стильном офисе и всяческие интересные задания.

Тина позвонила, они обо всем договорились, завтра Маша должна была прийти к двенадцати, чтобы получить инструкции, а сегодня вечером они с Темой едут на дачу к какому-то его другу, у которого день рождения.

Артем появился через час, чем вызвал у Ксюши замешательство. Она с интересом его разглядывала и стреляла глазами, в которых застыл вопрос: «Кто это? Что это? Что про-

исходит?» Еще вчера они с Машей плакались друг другу на неудачи в личной жизни, а сегодня у подружки в квартире парень, похожий на земное воплощение Билли Айдола. Едва Тема вышел в туалет, Маша в трех словах пересказала события последних дней – Ксюша слушала ее, открыв рот, а когда Артем вышел из ванной, он пригласил Ксюшу поехать с ними.

К легкому разочарованию Маши, та согласилась. Не то чтобы Маше не хотелось брать с собой подругу... хотя, какая она подруга? Товарищ по несчастью... Просто там будет много незнакомых людей в новой для Маши обстановке, и ей хотелось общаться с ними, и с Темой, а не с Ксюшей, которая будет дергать ее и свистеть на ухо: «Смотри, смотри, настоящие силиконовые титьки! Блин, а у той, в розовом, еще и губы силиконовые...» Конечно, обсуждать силиконовые губы – это весело, но сегодня Маша желала просто получать удовольствие, не заморачиваясь на чужих недостатках. Она надела новый топ, новые джинсовые шорты, которые купила сегодня днем, сгоняв в «Атриум», новые босоножки от «Дизель» с кучей ремешков, и почувствовала себя звездой. В то время как на Ксюше была простая вельветовая юбка с воланами цвета хаки, пиджачок с рукавами три четверти и совершенно невразумительная майка, надетая явно впопыхах. Ксюша, правда, выклянчила майку понарядней у Маши, нарядилась, но все равно выглядела слишком... офисно.

Прорвавшись сквозь пробки, они выехали на Рублевку,

потолкались в заторе у Барвихи и наконец добрались до Жуковки.

Большой белый дом в классическом загородном стиле, красивый газон, разумеется, высокий забор – и толпа в стиле р'н'б. Девочки в юбках с аппликациями, в топах с блестками, с ремнями в огромных стразах, со стразами на веках, со стразами на ногтях, с мобильными сплошь в стразах...

– Гм... – довольно громко произнесла Ксюша.

– Тсс... – Маша приложила руку к губам и подмигнула ей.

Артем провел их на веранду, где на мягких диванах сидели молодые люди и девицы. Кое-кого Маша узнала: Шурик, Дато, одна девица из «Бульвара», рэпер Серега, Влад Валов и Леголайз. От такого количества звезд Маша слегка стушевалась, но взяла себя в руки и изобразила непринужденные манеры. Рядом с Серегой – но чуть поодаль – сидела девица, которая, собственно, и познакомила ее с Артемом. Зоя.

– Какими судьбами? – удивилась Маша.

– Мир тесен, – Зоя развела руками.

Они немного поболтали о том о сем – то есть об Артеме (Ксюша явно обижалась, что Маша о чем-то шепчется с незнакомой женщиной), после чего Зоя поинтересовалась:

– Маш, а ты чем занимаешься? В смысле работы?

– Пиаром, – гордо произнесла Маша.

– Неужели? – воскликнула Зоя. – Здорово! Мне как раз нужен грамотный пиарщик.

– А тебе зачем? – улыбнулась Маша.

Зоя налила шампанского, протянула Маше бокал и затараторила:

– Я вообще дизайнер. У меня была небольшая контора – то есть я даже на Неделе моды выставлялась, но, если честно, заказчиков было не то чтобы мало, но и нельзя сказать, что много. Сейчас у меня есть партнер, он купил в Таиланде завод, арендовал в Москве пять магазинов, ну и по регионам еще двадцать, и мы скоро выпускаем первую промышленную коллекцию, так что нам очень нужна рекламная кампания и хороший пиар. Ты сейчас где работаешь?

– В «Би-би Анд Уай», – раздуваясь от собственной значимости, сообщила Маша.

Но Зоя повела себя странно: взгляд у нее застыл, рот приоткрылся – так она продержалась несколько секунд, после чего прикусила губу и покачала головой.

– А что? – заволновалась Маша.

Но та вроде пришла в себя.

– Ничего, – голос у нее сел, потом Зоя откашлялась и почти нормальным голосом произнесла: – Просто я довольно близко знаю вашу начальницу и не могу сказать, что мы с ней в очень хороших отношениях. Но в принципе значения это не имеет, так что было бы здорово встретиться и обо всем поговорить. Может, сделаем вам заказ. Вам это как, интересно?

– Очень! – воскликнула Маша.

Еще бы! Как здорово встретить в этой толпе бездельни-

ков интересного человека! Маша из вредности предполагала, что большинство людей здесь – «золотая» молодежь, которая гуляет на папины деньги (и не особенно ошибалась) и, соответственно, может поддержать разговор лишь о ценах на шампанское или о новом женихе Пэрис Хилтон.

И не только интересного человека – а модельера, да еще и потенциального клиента. И она теперь не просто креативный менеджер, а менеджер, который привел крупного заказчика! А за это, между прочим, полагается десять процентов! Интересно, сколько они готовы потратить на рекламную кампанию? Маша уже видела себя ловкой рекламщицей, которая играючи заключает сделки, так же играючи покупает серьги с бриллиантами в полкарата...

– Слушай, это силиконовые губы? – Ксюша ткнула ее в бок.

Маша с сочувствием посмотрела на приятельницу: да, дорогая, ожидаемый вопрос...

– Не знаю, – ответила она. – Может, она упала лицом на раскаленную сковородку...

Ксюша захихикала, а Маша вдруг почувствовала, что если в ее жизни суждено появиться девушкам с силиконовыми губами, девушкам в кенгурушках от «Миашвили» за пять тысяч долларов, молодым людям с будильниками в бриллиантах, молодым людям в ботинках за пару тысяч евро...

Что ж, значит, так тому и быть!

В конце концов, это мир успешных, красивых, веселых

людей, а она, Маша, слишком уж закопалась в мыслях о смысле жизни и прочей унылой демагогии, и забыла, что главное – просто жить и получать от этого удовольствие!

– Послушай, здесь все блещет, как елочные игрушки, – пробурчала Ксюша ей на ухо.

– Ксюш, расслабься, а? Что, лучше ехать в метро и прихиваться к бомжам? – рассердилась Маша.

– Во-первых, в метро ездят не только бомжи, а во-вторых, кроме метро и бомжей, существует еще множество разных мест и людей, с которыми общаться уж точно интереснее! – нахмурилась Ксюша.

– Вот и общайся! А мне здесь нравится!

– Понятно... – Ксюша отошла в сторону.

Скоро к ней подошел молодой человек, но спустя минут десять он уже смотрел сквозь Ксюшу и, судя по всему, прикидывал, как бы ему удрать.

«Наверняка она расписывает недостатки „Кода да Винчи“, – не без злорадства подумала Маша и присоединилась к компании Артема. Вообще-то раньше ей нравилось подолгу обсуждать с Ксюшей фильмы, книги, музыку, но вот сейчас казалось, что жизнь очень коротка для долгих разговоров, – слишком много возможностей, слишком много надо успеть.

– Мне завтра на работу, – Маша обняла Артема.

– Поедем? – предложил он.

– Ага. Все-таки первый день на новой работе, – сказала Маша и почувствовала, как сосет под ложечкой.

Они нашли Ксюшу, которая с угрюмым видом переминалась с ноги на ногу, сели в машину и поехали в Москву.

– Пока. Спасибо за вечер, – буркнула Ксюша и исчезла в подъезде.

– Что, уже теряешь старых друзей? – усмехнулся Артем.

Маша с удивлением воззрилась на него, но тот сделал вид, что ничего не произошло, а она решила, что лучше не продолжать тему.

Дома они сразу рухнули в кровать, и это снова был лучший секс в ее жизни – лучше, чем вчера, так что Маша заснула с ощущением вселенского счастья и предчувствием радостных и удивительных событий.

Глава 7

Без пятнадцати двенадцать Маша припарковала машину на Каланчевке, полюбовалась на себя в окне автомобиля – черный пиджак с рукавами три четверти, крупная серебряная брошь с большими гранатами, пышная серая шелковая юбка и серебристые босоножки. Маша сама себе ужасно понравилась, так что на этаж поднялась в отличном настроении. Секретарша проводила ее в кабинет, принесла кофе, а ровно в полдень к ней зашла Тина. Придирчиво осмотрела с ног до головы, пожала плечами, устроилась в кресле и сказала:

– Это не твой стиль.

– Где? – глупо спросила Маша.

– Во-первых, вешалки быются в экстазе и желают с тобой познакомиться. Во-вторых, косметика озадачилась, но это больше похоже на приятное недоумение – они попросили прощупать Фриске на предмет денег, так что все отлично, со следующей недели начнешь заниматься банкетом, а пока давай поговорим по существу.

– Э-э... Да, – кивнула Маша, не понимая, о чем речь.

– В общем, ты у нас креативный менеджер – фигура значительная в масштабе моей компании, – начала Тина. – Так что твой имидж – половина успеха. Знаешь, в чем главная ошибка большинства рекламщиков?

Маша попыталась определить главную ошибку, но не смогла.

– В чем? – поинтересовалась она.

– В том, что приезжает на переговоры такой дядя в костюме, не дай бог, еще в золотых очках от «Картье», открывает кожаный портфель, вынимает из него папочки всякие... – с презрением сообщила Тина. – И что? Клиент смотрит на отражение самого себя и задается вопросом: а что такого может предложить этот человек, чего не могу я?

– Ну... – растерялась Маша, которая до сих пор не могла взять в толк, о чем речь. – У меня вот... брошка... – промямлила она.

– Брошка – это прекрасно! – воскликнула Тина. – Такая брошка говорит о том, что при четырнадцатичасовой занятости, при том, что твой ребенок видит тебя только по выходным...

– У меня нет ребенка! – поспешила поправить ее Маша.

– Неважно! – отмахнулась Тина. – При том, что слово «секс» ассоциируется у тебя только с сериалом «Секс в большом городе», ты все-таки иногда вспоминаешь, что ты женщина и человек и даже один раз была в «Красной Шапочке»!

– Ну... – замялась Маша. – По-моему, это чересчур жестко.

– Может быть, – легко согласилась Тина. – Но если я буду мягкой, меня съедят. Я успешно веду дела на основе того, что заказчик должен видеть в моей компании раскрепо-

ценных, стильных, творческих личностей, которые не скрывают свою сексуальность, не скрывают свои способности и действительно могут всех удивить.

– Мне что, одеваться, как эскорт-герл? – нахмурилась Маша.

– Ну нет, – усмехнулась Тина. – Просто надо кое-что подкорректировать. Ты же понимаешь, мы устраиваем различные презентации, банкеты – ты везде будешь появляться, и мне нужно, чтобы мои сотрудники выглядели, как звезды.

Маша вспомнила девушек из рекламного отдела. Да... И молодых людей из творческой студии. Красавцы, как на подбор. Ничего не скажешь.

– Ну и что мне теперь, сжечь свой гардероб? – не очень дружелюбно полюбопытствовала Маша, которую все еще восхищал ее наряд.

– Мы поедem по магазинам, – заявила Тина. – Устроим «Снимите это немедленно!».

– Но...

– Это называется представительские расходы, – пояснила Тина. – Это же в моих интересах.

– Ну... Ладно... – Маша пожала плечами.

– Все, свободна. До завтра, – сказала Тина на прощание и высадила Машу рядом с ее машиной.

Маша подождала, пока та уедет, и посмотрелась на себя в стекло. Офигеть! Кто бы мог подумать?

Вообще-то Маша считала, что хорошо одевается. Но, видимо, дело не во вкусе, а в психологии. То есть она считала себя сексуальной, а девушек в стиле р'н'б с грудой стразов как раз таковыми не считала. Но, видимо, она в сексуальности ничего не смыслит. Потому что девушка в стекле была прямо-таки эталоном привлекательности – причем без всякого гламура: прямые джинсы с карманами на молниях – спереди и сзади, черные кожаные туфли на шпильке – но все в шипах и заклепках, обалденный пояс – тоже с шипами, черная открытая майка с драконом во всю спину, руки по локоть в серебряных браслетах – увидев их, Маша чуть не упала в обморок – браслеты она обожала, а эти, судя по всему, стоили бешеных денег, но Тина не принимала возражений. И волосы. Ей их немного подкрасили – из средне-русых они превратились в светло-каштановые, с золотистым отливом. Это она! Ее истинное лицо!

В какое-то мгновение Маша даже решила, что Тина – лесбиянка, вот она ее и окучивает, но, во-первых, той без конца звонили мужики – с приглашениями на ужин, а во-вторых, Тина не лезла в примерочные и вообще вела себя сухо и деловито.

Маша наконец открыла машину, кинула на заднее сиденье пакеты, но ехать никуда не хотелось. Разве что на бульвары... Хотя... Нужно срочно позвонить Артему, чтобы он оценил ее новую внешность! Они договорилась встретиться на Чистых прудах – посидеть, например, в «Шатре», попить

чаю... Она завела машину и медленно, не спеша поехала на Сретенку.

– Девушка! – ей сигналил мужчина в «Мерседесе», у которого сзади сидел ребенок – мальчик лет семи. – Девушка!

Маша опустила окно и кивнула.

– Отлично выглядите! – прокричал он, а мальчик улыбнулся.

Пока она шла по бульвару, все оглядывались ей вслед – к тому моменту Маша уже надела куртку с короткими рукавами, которая просто идеально облегла фигуру. Артем ждал ее на лавочке – он пил свежесжатый сок и рассматривал детишек, которые бесились у фонтана. Маша встала рядом с ним, достала из сумочки сигареты, прикурила, и тут он наконец обратил на нее внимание. Сначала он просто ее оценил, потом что-то показалось ему подозрительным, а затем он наконец ее узнал. Все это заняло долю секунды, но то, что парень, с которым Маша спит, не сразу догадался, что она – это она, говорило о многом.

– Мама моя... – выдал он и встал со скамейки. – Вот это да!

– Ха-ха! – торжествовала Маша.

– Ничего себе... Кто это так тебя? – поинтересовался он.

Маша насторожилась. Не то чтобы он ее осуждал, но не было в его голосе восхищения. Может, мальчики выражают удивление и восторг совсем не так, как девочки? Нет, это бред... Ему что, не нравится? Это возможно?!

– Тебе не нравится? – спросила она.

– Я еще не понял... То есть выглядишь ты круто... – спохватился Тема. – Но я не могу привыкнуть, что это – ты.

– Ну, могу показать паспорт, – насупилась Маша.

– Не дуйся! – он прижал ее к себе. – Просто я потерял дар речи.

Конечно, он сказал, что выглядит она отпадно, что это ее стиль, что ей все идет, а браслеты – просто улет... И говорил он искренне, и чувствовалось – это правда, но Маше все же казалось, что Артем словно немного расстроен. Что ему больше нравилась прежняя Маша. И поэтому она ощущала некоторое напряжение и раздражение.

В «Шатре» они сидели не очень долго – Артему кто-то позвонил, и они сорвались в «Гараж», где Маша опять встретила Зою. С утра она еще о ней помнила, но покупки сбили ее с пути истинного – все дела забылись, и Зоя в том числе.

– Хорошо выглядишь, – одобрила Зоя, но как-то настороженно. – Новая прическа, новый образ...

– Это у нас такой корпоративный стиль! – со смехом ответила Маша. – Меня начальница сегодня весь день переодевала.

– Да что ты? – воскликнула Зоя, и, к удивлению Маши, в мельчайших подробностях расспросила о том, что сегодня было, в какие магазины они ездили, сколько потратила Тина и что та при этом говорила. – Интересно... – кивнула она в завершение. – Слушай, а давай я завтра к тебе подъеду, а ты

меня ей представишь?

– Ну, я же не уверена, что Тина завтра свободна, – Маша пожала плечами.

– Я приглашаю тебя на ленч, а там – как получится, – настаивала Зоя.

И Маша согласилась.

– Кстати, тебе очень повезло с Артемом, – добавила Зоя. – Он отличный парень. Серьезный. И не плейбой. Я выяснила.

Маша, конечно, немного удивилась, что Зоя проявляет такую заботу о ее судьбе, но решила, что быть слишком мнительной – тоже недостаток, и лишь усмехнулась.

– Серьезный... – передразнила Лика, которая стояла поодаль – так, что ее не было видно. – Кому сейчас нужны серьезные парни? – Она вышла из клуба и включила мобильный. – Тин, нашу девочку тут всю конкуренты обрабатывают. Да. Зоя. Напрашивается к тебе в офис. Ну, смотри... Хорошо, я проконтролирую. Пока.

Лика вернулась в клуб и застала Машу в обнимку с Артемом – Лика закатила глаза и устроилась так, что она видела все, а ее не видел никто.

На следующий день Маша пришла на работу в джинсовых бриджах с заклепками, черных сабо и белом топе с серебряным черепом – все из вчерашнего улова. Едва она созвонилась с королем вешалок, полюбезничала, выслушала комплименты и пожелания, договорилась о встрече, изучила де-

ла и включила компьютер, секретарша сообщила, что к ней пришли.

Пришла Зоя. На этот раз она выглядела не столь отчаянно гламурно – белое платье с развевающейся юбкой, золотистые сандалии и сумка почти без стразов.

Спустя секунд двадцать в кабинет зашла Тина – будто ее предупредили.

– Кого я вижу!... – произнесла она с легким оттенком презрения и устроилась на диване.

Маша, почувствовав некоторое напряжение, поспешно объяснила, кто есть Зоя и чего она хочет, но Тина никак не отреагировала. Она все так же молча сидела на диване, сложив руки на груди, и разглядывала Зою.

– Мне нравится ваш проект, – сказала она наконец. – Если вас устроит сумма, мы вами займемся, – и она озвучила совершенно неприличную, по мнению Маши, цифру, которая раз в пять превышала самые смелые ожидания.

Но Зоя легко согласилась. Видимо, партнер и правда был щедрым. Тина скривила губы, усмехнулась, попросила оставить визитку секретарше и ушла.

– Ну, что, пойдем обедать? – оживилась Зоя, у которой, судя по лицу, гора с плеч свалилась.

Они нашли неподалеку приличный ресторан, устроились, после чего Зоя поинтересовалась, как Артем воспринял новый образ Маши. Та думала, что они будут обсуждать рекламу новой марки, поэтому немного удивилась, но решила, что

обсуждать Артема все-таки куда увлекательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.